

Kyrie Eleison

Владимир Стрельцов
Копьё Лонгина

Владимир Стрельцов

Копье Лонгина. Kyrie Eleison

«Издательские решения»

Стрельцов В.

Копье Лонгина. Kyrie Eleison / В. Стрельцов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518943-1

Священное копьё Лонгина, некогда завершившее земные страдания Иисуса, спустя девять веков появляется на страницах истории. Появляется в тот самый миг, когда доживает последние дни империя Карла Великого, а в Риме верховный иерарх ведет отчаянную борьбу за суетную власть с новоявленной вавилонской блудницей. Копье призвано найти себе достойного хозяина, чтобы его руками осуществить ключевой поворот в истории Европы и, прежде всего, остановить глубочайшее нравственное падение христианской Церкви.

ISBN 978-5-00-518943-1

© Стрельцов В.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Последний Император Апеннин	6
Эпизод 1. 1675-й год с даты основания Рима, 1-й год правления базилевса Романа Лакапина, 6-й год правления императора Запада Беренгария Фриульского	6
Эпизод 2. 1675-й год с даты основания Рима, 1-й год правления базилевса Романа Лакапина, 6-й год правления императора Запада Беренгария Фриульского	14
Эпизод 3. 1675-й год с даты основания Рима, 1-й год правления базилевса Романа Лакапина, 6-й год правления императора Запада Беренгария Фриульского	21
Эпизод 4. 1675-й год с даты основания Рима, 2-й год правления базилевса Романа Лакапина, 6-й год правления императора Запада Беренгария Фриульского	28
Эпизод 5. 1677-й год с даты основания Рима, 3-й год правления базилевса Романа Лакапина, 8-й год правления императора Запада Беренгария Фриульского	33
Эпизод 6. 1677-й год с даты основания Рима, 3-й год правления базилевса Романа Лакапина, 8-й год правления императора Запада Беренгария Фриульского	38
Эпизод 7. 1677-й год с даты основания Рима, 3-й год правления базилевса Романа Лакапина, 8-й год правления императора Запада Беренгария Фриульского	46
Эпизод 8. 1677-й год с даты основания Рима, 4-й год правления базилевса Романа Лакапина, 8-й год правления императора Запада Беренгария Фриульского	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Копье Лонгина Kyrie Eleison

Владимир Стрельцов

Дизайнер обложки Елизавета Стрельцова

© Владимир Стрельцов, 2020

© Елизавета Стрельцова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-8943-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Последний Император Апеннин

Эпизод 1. 1675-й год с даты основания Рима, 1-й год правления базилевса Романа Лакапина, 6-й год правления императора Запада Беренгария Фриульского (июнь 921 года от Рождества Христова)

Большинство факелов, расположенных в стенах Башни Ангела, уже успело проститься со своим скоротечным существованием, когда хозяйка замка освободилась от недолгого сна. Ночь, вязкая, удушливая июльская ночь полновластно правила Римом. Мароция приподняла голову с подушки, все её тело противно и назойливо напоминало об особенностях проведённого накануне вечера, ныла грудь, ноги её испытывали временами приятную, но в то же время надоедливую ломоту, в голове присутствовал отчётливый шум от чрезмерно выпитого вина. Именно вино и разбудило прекрасную римлянку, в очередной раз явив свой коварный характер. Она уже давно заметила за собой эту странность, что вино, с лёгкостью отправляя её в сады Морфея, достаточно быстро и бесцеремонно заканчивало эту прогулку, после чего она с середины ночи и до самого утра обречена была терпеть жесточайшую бессонницу, с которой абсолютно бесполезно было бороться.

Мароция попробовала приподняться со своего ложа. Однако этому воспрепятствовала чья-то рука, тяжёлым камнем лежащая у неё на груди. Двумя пальцами она приподняла эту мосластую мужскую руку и отвела от себя. Однако на этом препятствия не закончились. Уже правую ногу её крепко сжимал в своих объятиях другой, миловидного и хрупкого вида юноша с неподходящим для своей внешности именем Лев, чьим последним осознанным движением стал вчера именно этот сладострастный жест. Разомкнув и эти кандалы, – а Лев, сын богатого горожанина Христофора, при этом недовольно пошевелился, – Мароция наконец встала со своего ложа и огляделась вокруг. Усталая ироническая усмешка осветила её лицо.

Увиденное ею было поистине достойно оргий Исчезнувшей империи. На открытой площадке Башни Ангела вповалку спали порядка трёх десятков мужчин и женщин, кто на уставленных слугами ложах, а кто и вовсе без них, кто заботливо накрытый плащом или покрывалом, а кто свободно и полностью овеваемый всеми ветрами. Луна, увидевшая всё это безобразие одновременно с Мароцией, поспешила немедленно и целомудренно спрятаться за облака. Хозяйка же замка была куда более уверена в своих чувствах, поскольку подобное далеко не в первый раз представало у неё перед глазами и не кто иной, как она сама, была инициатором и вдохновителем такого рода времяпрепровождения.

Вот и вчера, быстро утомившись от банальных застольных здравиц и видя в глазах гостей своих любопытство и нетерпение, она предложила всем сыграть в жмурки, причём завязать глаза по её задумке надлежало всем собравшимся. Поймавшим же друг друга было велено тут же, и не снимая повязок, заняться любовью. Сразу оговоримся, что Мароция была девушкой приличной и знающей меру, а потому данное правило действовало только в тех случаях, когда участники игры принадлежали к разным полам. Сама же она и ее сестра стали единственными зрителями начавшегося шабаша, подбадривая гостей, распаляя их страсть и смеясь до рези в животе. Гости в пылу азарта не забывали славить хозяйку, отдавая должное её фантазии и находя, что сегодняшняя затея даже лучше прошлой, когда Мароция заставила их быть живыми участниками гигантского шатранджа, где женщины представляли белое войско, мужчины – чёрное, а любовный процесс заменял собой гибель фигуры. Хозяйка – белая коро-

лева – в тот день пала последней, сегодня она также приняла участие в жмурках уже под самый занавес, когда два молодых человека сговорились наказать самого автора игры.

Да, Рим всегда и во все времена любил сладкое. Он мог не бояться рёва боевых слонов Ганнибала, мечей и пик многотысячных орд Рицимера¹ и Витигеса, но никогда не мог совладать с липким и коварным пленом этого приятнейшего из грехов. Знать великого города с превеликим удовольствием кинулась в эту быстро сотканную и такую манящую паутину сладострастия, как будто вновь вернулись времена Нерона и Мессалины². Как наивны и расточительны были в своё время покойный граф Адальберт Тосканский и, также почившая в бозе, Агельтруда Сполетская, сколько сил и средств они тратили на подкуп своих ненадёжных союзников, распечатывая для них свои сундуки с серебром или угрожающе бряцая мечами! До смешного мало надо было всем этим кичливым и самонадеянным сыновьям патрицианских фамилий Рима, чтобы безвозвратно и с придыханием продать голоса свои и свои жизни, поступившись амбициями и, возможно, так и оставшимися невостребованными талантами. Ни серебро, ни угрозы не смутили их так сильно и скоро, сколько доступные прелести и разнузданное веселье в доме дочери старого консула Рима.

Всё, как водится, начиналось с малого. Обосновавшись в Риме, Мароция повела долгую и планомерную деятельность по привлечению на свою сторону авторитетнейших римлян. Оставив в покое пожилую часть Сената, она принялась за их детей, своих ровесников и младше, справедливо полагая, что время играет на неё и против её матери. Почти всех она знала сизмальства, и это дало ей дополнительные козыри. Первой жертвой пал Михаил, сын Михаила, дефензора и главы городской милиции, назначенного на этот пост после битвы при Гарильяно. В объятиях Мароции тот очень скоро позабыл про свою добродетельную жену и двоих прелестных малолетних детей, с жаром поклявшись Мароции до конца дней оставаться возле ног её. Затем последовал Константин, сын примицерия Аустоальда, которого Мароции пришлось чуть ли не брать силой, настолько робок и непонятлив оказался молодой человек. Дальше – больше, и, чтобы ускорить процесс своей невероятной вербовки, Мароция решила подключить к своей опасной игре свою младшую сестру Теодору. Та приняла предложение Мароции с неописуемым энтузиазмом, и с той поры мрачные помещения башни Ангела, в народе до сих пор носившей имя тюрьмы Теодориха, начали наполняться буйной развесёлой богатой молодёжью Рима, которая получала дополнительное наслаждение от своей дерзости в силу того, что всё происходило практически перед глазами папского Города Льва, который в такие моменты, казалось, затаивал дыхание и старался ничем не выдать своего близкого присутствия.

Любила ли Мароция хотя бы кого-нибудь из тех, с кем сводили её финалы развесёлых кутежей? К некоторым она относилась с искренней симпатией, но не более, других она увлекала, испытывая острое чувство женского соперничества с их несчастными верными жёнами, к третьим она относилась равнодушно, но того требовало дело или поставленные ею пред собой цели. Были и те, к кому она относилась с неприязнью, и тем не менее всё равно с тошнотой в горле подставляла себя, а ещё больше свою сестру, лишь бы опять получить какие-то преференции. Вот и сегодня её до полуночи утомляли здоровенный и пахнущий дичью Пасхалий, сын папского сакеллария, пользовавшийся доверием самого папы и трогательно нежный, неделю назад её же ходатайством получивший сан субдиакона и тут же, в благодарность, нарушивший celibat красавчик Лев.

Мароция взглянула на своих сегодняшних любовников и тихо рассмеялась себе под нос, увидев, что те, даже во сне не переставая вожделеть её, заключили друг друга в объятия, всякий на свой манер. Вот им будет сюрприз в момент пробуждения! Лев, как и большинство друзей

¹ Рицимер (405—472) – полководец готского происхождения, консул с 459 г. и фактический правитель Западной Римской империи. *Здесь и далее, при упоминании исторических персонажей и использовании специфических терминов тех лет, предлагаем воспользоваться Предметным и биографическим указателем, приведенным в конце книги.*

² Валерия Мессалина (ок. 17—48) – жена императора Клавдия, отличалась крайне распутным поведением.

Мароции, как и её первые мужчины, папы Сергей и Анастасий, относился к ней с благоговейным трепетом, как к спустившемуся с небес божеству, в любовных играх порой не зная, как угодить и с чего начать, растрчивая свою энергию на россыпь комплиментов и нежные прикосновения. Все они глубоко ошибались, для избалованной и испорченной девицы их ласки выглядели мило, трогательно и... немного скучно. Имеющая возможность выбирать, она перепробовала множество любовных ролей, прежде чем пришла к окончательному и неожиданному для себя выводу, что наибольшее наслаждение ей приносит подчинение – в лучшем случае пробудившему своих бесов голубоглазому праведнику, но в крайнем случае сойдёт и откровенно грубый, решительный самец. Такой, как Пасхалий, с хрустом рёбер обнимающий тебя, до боли сминающий твою грудь и властно пригибающий твою голову вниз. Мароция в вынесении окончательного вердикта долго отказывалась верить самой себе, сопротивлялась и пыталась понять причины своих наклонностей. Что это? Что всякий раз движет ею? Страшный опыт, пережитый в Сполето? Наследственная память, доставшаяся от куртизанки-матери и более дальних предков, по-видимому также не отличавшихся целомудрием? Поиск новых эмоций в обстановке, когда в повседневной жизни не ты, а все прочие, окружающие тебя, являются твоими послушными рабами? Доктор Фрейд³ и доктор Кон⁴, вероятно, не затруднились бы с ответами на все эти вопросы.

Мог ли Ватиканский дворец пресечь эти вакханалии разврата, периодически разыгрывавшиеся у его стен? Конечно, мог. Если бы не одно обстоятельство. При первой же попытке Теодоры попенять своей дочери на непристойное поведение та мгновенно получила ответ. Ответ жестокий и, увы, вполне ожидаемый и справедливый. Теодора по-прежнему жила в папской резиденции вместе с папой Иоанном Десятым и её ночи уступали шабашам в Замке Ангела разве что только своими масштабами и неуклюжими попытками замаскировать бесстыдство. Теодора, которой уже было под пятьдесят лет, изо всех сил пыталась оказать достойное сопротивление неумолимому ходу времени и панически боялась когда-нибудь показаться своему любимому безнадёжно состарившейся. По тем же самым причинам и в силу возрастной ревности она до смерти боялась надолго разлучиться с Тоссиньяно, а речи о её возвращении в семейный дом просто не могло быть. Однако до сего дня все страхи Теодоры были беспочвенны. Иоанн, будучи, вероятно, бесконечно далёким от идеала смиренного понтифика, тем не менее оказался верным и надёжным мужем, и его чувства к Теодоре, сколь постыдны для его сана они ни были, сохраняли и свой свет, и своё тепло. К пущей ревности Мароции.

В вопросах же Веры и управления вверенной ему Господом паствы папа Иоанн Десятый был мудр, решителен и твёрд, и католическая церковь порой поёживалась, ощущая на себе невероятную крепость рук своего правителя. Первым делом он расположил к себе Восточную церковь, ликвидировав все последствия импульсивных решений своих предшественников. Иоанн подтвердил решение Константинопольского Синода, осудившего четвёртый брак покойного императора Льва с угольноокой Зоей, что позволило тестю малолетнего императора, гетериярху⁵ Роману Лакапину⁶, отправить Зою в монастырь, а самому стать кесарем и соправителем зятя. Затем со стороны Рима последовал жест совсем уж великодушный, неожиданный и мало себе представляемый даже в наше время. Когда суетливый болгарский царь Симеон в очередной раз решил переметнуться из православного лагеря в лоно католической церкви, он получил категоричное предписание от Иоанна восстановить и крепить далее свои связи с Византией. Константинопольский патриарх растаял от такого жеста римского епископа и поэтому сам не заметил, как выпустил из своих рук готовую поклониться ему Далмацию.

³ Зигмунд Фрейд (1856—1939) – знаменитый психиатр и невролог.

⁴ Игорь Семёнович Кон (1928—2011) – психолог, сексолог.

⁵ Командующий варяжской гвардией в Византии.

⁶ Роман Лакапин (ок. 870—948) – византийский император (920—944), фактически отстранивший от власти Константина Багрянородного и сделавший своими соправителями троих сыновей, а четвёртого возведя в сан патриарха Константинополя.

Ещё более активно, с апломбом настоящего правителя вёл себя папа Иоанн с государями Западной Европы. Короли франков и германцев с удивлением получали папские бреве, указывающие им на решения, которые, как отмечалось в этих посланиях, угодны Господу и Церкви, а посему им должно следовать неукоснительно. И если германские князья проявили покорность и склонили свои головы перед папским протезе, королём Конрадом, то во франкских землях Иоанну пришлось столкнуться с открытым неповиновением со стороны графа Герберта Вермандуа⁷. Строптивый граф поднял мятеж против своего незадачливого сюзерена, франкского короля Карла Простоватого. К этому королю в его землях мало кто из сильных вассалов относился с должным почтением, рассказывали, что однажды один из баронов, исполняя оммаж перед королём и целуя по обычаю ему ногу, столь сильно дёрнул за неё, что опрокинул короля на глазах немалого народа. Барону при этом всё сошло с рук, в связи с чем неудивительно, что мятеж Герберта оказался в итоге успешен и несчастный король был пленён. Иоанн энергично вступился за низложенного монарха и угрожал Герберту отлучением, на что упрямец для начала признал своим сюзереном и предложил корону франков бургундскому герцогу Раулю⁸, а далее, демонстрируя всё своё пренебрежение к Римской Церкви, возвел в сан Реймского архиепископа... своего пятилетнего сына! На этом граф Герберт не успокоился, и Рим получил от него крайне невежливое письмо, в котором мятежник, родившийся на шесть веков раньше Генриха Восьмого Английского⁹, грозился расчленить франкские епископства на мелкие приходы. Папе Иоанну пришлось смириться с поражением, чуть ли не единственным за эти годы, но весьма запоминающимся и чувствительным. Малолетний архиепископ, к ужасу Церкви, писклявым голоском начал поучать свою паству Слову Божию, а епископ Рима мог себя утешить лишь тем, что призрак Реформации до поры до времени скрылся за европейским горизонтом.

Провал папской миссии во Франции, простите, в Западном королевстве франков, Мароция, естественно, попыталась обратить на пользу себе и во вред понтифику, для которого утверждение ребёнка в сане одной из самых видных епархий Европы стало позорнейшим пятном на его биографии. Безусловно, блудница не преминула напомнить папе о его деянии после первого же упрёка, последовавшего со стороны иерарха относительно её вольного поведения. Но кто ещё мог остановить падение в бездну греха умной, очаровательной и честолюбивой женщины, так рано испытавшей тяжёлые удары судьбы, преданной своей родной матерью и отныне полагающейся только на себя? Наверное, отец. Но, увы, Теофилакт после инсульта, случившегося с ним при вести о гибели его сына, так до конца и не пришёл в себя. Мало-помалу речь, пусть и тяжёлая и замедленная, вернулась к нему, пришли в движение обе руки и ноги его, но от прежнего Теофилакта осталась только тень. С возвращением речи старый консул прежде всего нетвёрдым и заплетающимся языком подтвердил своё решение о том, что его старшая дочь от его имени должна стать правительницей Рима. С тех пор он почти все свои дни проводил в Авентинской резиденции, которой формально распоряжалась Мароция, а фактически с разрешения сестры, Теодора-младшая, и ничто более не занимало ум старого воина, как урожай или состояние подков лошадей его двора.

Таким образом, прошло уже пять лет с момента коронации Беренгария и битвы под Гариельно, с момента, когда Мароция нежданно-негаданно в течение короткого промежутка времени получила в свои изящные лёгкие ручки управление Римом и фактическое управление Тосканой, при этом оставаясь к тому же формальной соправительницей своего мужа, герцога Альбериха Сполетского. Острый ум её и развившийся инстинкт самосохранения не позволили

⁷ Герберт II (ок. 880—943) — граф Вермандуа и Лана.

⁸ Рауль I Бургундский (ок. 890—936) — герцог Бургундии, король Западно-Франкского королевства (923—936).

⁹ Генрих VIII (1491—1547) — король Англии (1509—1547). Отказ Рима расторгнуть его брак с Екатериной Арагонской послужил причиной для разрыва Англии с Римом и основания англиканской церкви.

ей поживать на лаврах, она понимала, сколь призрачна её власть и сколь иллюзорны присвоенные ей титулы. Да, она успешно продала своё тело Риму, в обмен получив на это голоса своих сенаторов, против которых могла в любой момент направить свои любовные чары либо испепелить их семьи, сообщив пикантные подробности их несчастным супругам. Что до Тосканы, то, предприняв короткую поездку в Лукку, она моментально ощутила неприязненное к себе отношение со стороны тамошних баронов и, немного поразмыслив, решила искать иную тропинку к их сердцам. На сей раз всё выглядело исключительно благопристойно. Собрав тосканскую знать и лукканский люд на площади перед базиликой Святого Фреддиана, Мароция, опустившись перед всеми на колени, клятвенно пообещала народу Тосканы, что и дня не посмеет быть их правительницей, пока из тюрьмы не освободит им их графа Гвидо. Расчувствовавшаяся толпа со слезами умиления приняла Мароцию, а та, уже спустя два дня взяв себе в охрану порядка пятидесяти тосканцев, отправилась в Верону, дабы исполнить свою клятву. В императорском дворце Мароция также действовала предельно осмотрительно и, прежде чем упасть к подагрическим ногам старого императора, которому не так давно собственными руками расстроила его свадьбу, она обратилась за помощью к новоиспечённой королеве Анне, которой рассказала о цели своего визита, сопроводив свой рассказ трогательной историей их отношений с Гвидо. Обе девушки, одна по наивности, другая с тонким расчётом, а вместе – с красными от слёз глазами, упали-таки ниц перед Беренгарием, и долго уговаривать старого сентиментального монарха не пришлось. К тому же сам Беренгарий понимал, что относительно Гвидо он тогда слегка переборщил, особенно его совесть мучили воспоминания о том, как буквально накануне вынесения строгого вердикта он прилюдно называл Гвидо своим сыном и, подтверждая слова существовавшим тогда обычаем, срезал локон с его головы.

Перед ошеломлённым Гвидо распахнулись ржавые ворота Мантуанского замка, но молодой граф, опережая намерения Мароции утонуть в его объятиях, прежде печально поведал ей о строгом запрете, предписанном ему его бесконечно любимой, а теперь и бесконечно несчастной матерью. Берта Тосканская все эти долгие дни неутомимо металась по своей камере в Мантуе, бросая в окна темницы проклятия всем своим недругам, и в первую очередь Беренгарию, Мароции и Теодоре, желая тем скорой и мучительной смерти. Узнав о грядущем освобождении своего сына и о том, кто стал инициатором этого, Берта поспешила на свидание с ним, где под угрозой своего материнского проклятия запретила Гвидо вступать в близость с Мароцией.

Нет худа без добра, посчитала циничная маленькая герцогиня. Влюблённый Гвидо, монополизировав её ложе, стал бы серьёзной помехой в её планах по укреплению её власти в Риме, и о весёлых кутежах пришлось бы забыть. А кутежи эти между тем уже дважды довели Мароцию до родов, и во дворе аббатства Святых Андрея и Григория под строгим присмотром верной Ксении резвились двое розовых пупсов-погодков, получивших при крещении имена Сергия и Константина. Сам факт рождения детей Мароция тщательно скрывала от мира и даже от своей матери, благо широкие бесполые одежды того времени и отменное здоровье позволяли ей до последних дней выходить в свет. Конечно, её мать и папа Иоанн со временем навели справки, отчего аббатство Святых Андрея и Григория вдруг начало пользоваться столь пристальным вниманием герцогини Сполетской, взявшей эту святую обитель на своё содержание. Но Теодора с Иоанном благоразумно приняли игру Мароции, решив не демонстрировать свою осведомлённость ей и уж тем более её наивному возлюбленному, который, быть может, и не питал особых иллюзий относительно целомудренности Мароции, но всё же не подозревал о том, насколько всё запущено. Поэтому грозный запрет ревливой Берты оказался даже весьма кстати. Повздохав немного приличия ради со своим верным другом, Мароция лицемерно предложила тому отдать всё на волю Божию, после чего Гвидо обосновался в своей Лукке, а Мароция, вернувшись в Рим, закрутила новую развратную карусель с помощью уже успевшей к этому моменту заскучать младшей сестры.

Мароция легко отыскала среди груды утомлённых любовью и вином тел белоснежное тело Теодоры-младшей. Сестре шёл уже двадцать пятый год, но умом и поведением она мало чем отличалась от капризного ребёнка. Удовольствий, только удовольствий жаждала она в своей жизни и постоянного, ежеминутного и ежесекундного внимания мужчин. Количеству отношений она отдавала явное предпочтение перед качеством, и чем больше мужчин одновременно владело ею, тем большее удовольствие она получала. Где-то исподволь присутствовало при всём этом приглушённое соперничество со старшей сестрой. Мароция видела это и охотно допускала это соревнование, ей нравилось распалить и зажигать свою сестру, а та порой становилась главной движущей силой в этих разудалых жертвоприношениях Венере, требуя от мужчин такого же к себе внимания и почтения, какое требует матка в пчелином улье или муравейнике.

Этой ночью Теодора встречала лунный свет, не стыдясь и не пряча ни единого дюйма своей белоснежной кожи. Её покой охраняли трое бравых братьев римского судьи, также не отягощённых душной и раздражающей тело одеждой. Мароция подошла вплотную к сестре. Вытянув вперёд руку, она сравнила свою кожу со снегоподобной кожей Теодоры, затем она бесцеремонно разглядела и ощупала её грудь, живот и бёдра и удовлетворённо качнула головой. Нет, решительно ни в чём она не выглядит старше своей сестры, и даже многочисленные роды не навредили ей. Её кожа также упруга и нежна, как у Теодоры, её бедра куда более круты и вызывающи, её грудь не менее воинственно смотрит вверх. А ведь ей между тем уже шёл тридцатый год, возраст для большинства женщин того времени критический, когда отсутствие элементарной гигиены, болезни и крутой нрав жизненных попутчиков превращали недавних дев в отталкивающего вида спивающихся старух. Нет, решительно это иудейское снадобье, разысканное ею в библиотеке Агельтруды и с тех пор постоянно и в великой тайне приготовляемое ею, творит великие чудеса. Или всё-таки ей это только кажется?

А может, всё ещё проще? А может, Создатель всего сущего за какие-то добродетели возблагодарил их род долгой, стойкой красотой и она просто беззастенчиво пользуется однажды излитой благодатью? Разве найдётся среди живущих такой скульптор, кто мог бы изваять столь совершенную фигуру и выточить, не сломав, её тончайшие руки, её изящный, как у греческих богинь, стан? Где тот художник, что мог бы в полной мере отобразить её южный волнующий и одновременно нежный цвет кожи, её ювелирно очерченный контур лица с чёрной диадемой густых волос, её неудержимо притягательные, яркие и сочные губы? И чем, как не подарком из другого мира, могут считаться необыкновенные глаза её, глубокие и вороные, в которые, порой казалось, мог провалиться весь существующий мир? Она знала своё главное оружие, она научилась им с преступной искусностью управлять. На печаль Творцу Вселенной, чьи старания и по сию пору оставались с её стороны без благодарного возмещения. А может, это был вовсе не Творец? О, тогда здесь никто никому уже не должен.

Услышав шаги Мароции, приподнял голову и оглядел её мутными пьяными глазами один из баронов, прибывших накануне из Сполето. Мароция, забыв на время о своём сравнительном анализе, поневоле задержала на нём взгляд.

Она вспомнила о своём муже, точнее о том, кто вот уже десять с лишним лет считается её мужем. Примечательно, что она ни сном ни духом не ведала о подписанном Альберихом соглашения на расторжение их брака, ибо папа Иоанн решил до поры до времени не давать этому письму ход. Сам же сиятельный герцог Альберих медленно, но верно доводил и себя, и своё герцогство до ручки, а Мароция никаким образом не могла повлиять на это губительное скольжение в пропасть. Вернувшись после Гарильяно с долгами ещё большими, чем были до того, Альберих отгородился от всех в своём герцогстве, игнорируя приглашения из Рима и сквозь зубовой скрежет общаясь поневоле со своими соседями из Тосканы, Беневента и Вероны. Мужественный некогда рыцарь продолжал спиваться, причём компания его друзей с течением времени прореживалась всё сильнее, пока не исчезла вовсе. Впрочем, Альбериху никого уже

и не нужно было. Доходя порой до белой горячки, он гонял своих слуг, и то сыпал проклятиями в адрес Мароции, то, рыдая, звал из небытия своих верных друзей, погибших от сарацинских мечей, – Кресченция, Марка и Максима. Мароция всегда с презрением и жалостью слушала новости, приходящие из Сполето.

От Альбериха мысли Мароции, повинувшись логике, перешли к её старшим детям, и она даже решила немедленно навестить их. Старшие сыновья Мароции, Иоанн и Альберих Второй, неотлучно находились при ней и сегодня спали здесь же, в Башне Ангела. Покои сыновей Мароции были устроены на самом верхнем этаже башни, рядом с её спальней, поэтому далеко идти не пришлось. У дверей спален никого не было, и Мароция первым делом приоткрыла дверь комнаты Иоанна. Первому сыну Мароции шёл одиннадцатый год. При мимолётном пламени свечи Мароция оглядела полное румяное лицо сына, его каштановые волосы, его крючковатый нос, доставшийся ему в наследство от отца, папы Сергия Третьего. Она негромко вздохнула: увы, её сын не унаследовал от своей матери даже намёка на её красоту, обещая стать добродушным и заурядным толстяком. Но от этого он ведь не перестанет быть её сыном, и мать, подойдя к Иоанну, прикоснулась губами к его теплему, слегка влажному лбу. В отношении него она уже приняла твёрдое решение – сдержат слово, данное ею возле смертного ложа Сергия, и определить Иоанна на служение Церкви.

Альберих спал в соседней комнате. Мать так же, как и секундами ранее, задержала взгляд на лице сына. Альберих был младше Иоанна на два года. Круглое лицо его обрамляли длинные белокурые волосы, не имеющие ничего общего ни с чёрными кудрями Мароции, ни с запутанными, цвета янтарного пива, космами Альбериха. Мароции не было нужды напоминать, на кого был похож её сын. Его законный отпрыск время от времени показывался в Риме, и маленький Альберих, к досаде Мароции, всё крепче привязывался к сыну Кресченция. Мальчики дружили искренней и трогательной дружбой, и мать, сколь ни пыталась, всё же не могла помешать им, какая-то незримая нить притягивала их друг к другу, они чувствовали себя больше чем друзьями, они ощущали себя действительно братьями. В то же время к своему, для всех посторонних родному, а на самом деле сводному брату Альберих испытывал заметное чувство ревности, наблюдая, сокрушаясь и не понимая, отчего именно неуклюжий Иоанн более любим их восхитительной матушкой, перед которой Альберих порой просто благоговел. Мароция ещё раз взглянула на спящего юного Альбериха и... не стала подходить к нему.

Отвратительные звуки раздались за её спиной. Оглянувшись, она увидела, как кто-то из гостей, перегнувшись через парапет крепости, громко очищал свой желудок. Черных глаз Мароции это зрелище несколько не оскорбило, такими картинами в то время вообще сложно было кого-либо удивить. Фигура, наконец испустив из себя всё лишнее, разогнулась, и Мароция увидела одного из бургундских рыцарей, прибывших в Рим с вестями от Рудольфа, молодого короля Верхней Бургундии.

Короля Рудольфа Мароция никогда не видела вживую, но вела с ним частую переписку. Что поделаешь, враг моего врага – мой друг, а то, что Рудольф был врагом её давнего недруга Гуго, она знала лучше, чем кто бы то ни было. Мароция прониклась к нему симпатией с тех времён, когда король Рудольф, будучи ещё совсем ребёнком, прогнал из Безонтиона этого нахала Гуго, замучившего до смерти своей любовью мать Рудольфа, глупую и слабую на передок королеву Виллу. С той поры отношения между обоими бургундскими правителями только ухудшались. Надо сказать, что именно Гуго к тому моменту стал настоящим правителем Нижней Бургундии, ибо к Людовику Слепому за все эти годы не вернулись ни зрение, что само по себе не удивительно, ни воля. Рудольф вырос, окреп, и хотя, по слухам, не отличался ни сильным умом, ни воинской доблестью, тем не менее был полезен Мароции, ибо она интуитивно чувствовала в Гуго опаснейшего соперника своим планам.

Очень жаль, что король Беренгарий в своё время позволил ему улизнуть из-под стен Павии, которую Гуго безуспешно осаждал. Всем хорош был этот король и император Берен-

гарий, но частые неудачи в ратном деле сделали его крайне неуверенным в себе, даже появление на голове короны Карла Великого не прибавило фриульцу самооценки. Как хорошо, что в последние годы у Беренгария не было необходимости обнажать свой столь неудачливый меч. Ни тосканцы, ни сарацины, ни венгры не беспокоили в то время Италию, а с последними Беренгарий и вовсе выстроил почти дружеские отношения и рассматривался потомками Аттилы чуть ли не главным своим союзником. Многие пеняли Беренгарию за эту связь с безбожниками, однако ни один из злопыхателей не мог не признать того факта, что королю Беренгарию и папе Иоанну удалось вернуть Италию на целых пять лет в состояние редкой умиротворённости и покоя. К исходу этого периода многие из живших в то время уже удивлялись, как ещё совсем недавно страна буквально разрывалась на части от бесконечных междоусобиц и бардака, порождаемого размытостью власти.

Однако всё в этом мире имеет свойство когда-нибудь заканчиваться. И плохое, и, увы, хорошее. Люди трезвого ума, наблюдавшие за политической круговертью того времени, понимали, что пришедший штиль странен, хрупок и недолговечен, и во всех проявлениях природы и мира искали тревожные признаки надвигающейся грозы. А признаки эти не замедлили себя обнаружить. Монахи-пилигримы, не прекращающие появляться в Риме, недавно поведали Мароции о том, что прошлым летом мятежный Реймс, видимо, в качестве платы за грех посвящения пятилетнего ребёнка в сан епископа, накрыло невиданным градом размером с куриное яйцо¹⁰, и несколько десятков человек пали замертво от метких попаданий небесных стрелков. Ещё большие несчастья землям франков принесла осень, когда от таинственного внутреннего огня заживо сгнили около сорока тысяч человек¹¹. А уже в этом году всему христианскому люду и вовсе явилось зрелище ужасное и во все времена приводящее в дрожь: на небе появилась кровавого окраса комета, красноречиво возвещающая о том, что дни спокойствия на этой земле сочтены. Огненные гонцы этой кометы упали на святой Рим, один из них – прямоком во двор сенатора Теофилакта, и в течение ночи над дворцом самой влиятельной римской семьи горожане видели три колонны с голубками, тщетно пытавшимися погасить пламя страшной небесной гостыи¹².

Увы, но явлениям небесным порой сопутствует и чья-то не слишком разумная воля, пусть и следующая принципам добра и сострадания. Под влиянием ли кроткой жены своей, так внезапно ушедшей в мир иной, под влиянием ли воспоминаний о своей пылкой влюблённости, или ошибочно считая своего визави более не опасным для себя, император Беренгарий, схоронив свою жену Анну, которой Господь отвёл считаное число дней существования в этом мире, решился на шаг, узнав о котором все видные лица итальянского государства пришли в смятение и начали готовиться к беспокойным дням: решением императора летом 921 года из Мантуанской тюрьмы была освобождена Берта, графиня Тосканская.

¹⁰ Флодоард «Анналы».

¹¹ Первая документально зафиксированная эпидемия эрготизма – заболевания, вызываемого паразитами злаковых (спорыньей).

¹² Летопись Бенедикта Сорагтского.

Эпизод 2. 1675-й год с даты основания Рима, 1-й год правления базилевса Романа Лакапина, 6-й год правления императора Запада Беренгария Фриульского (июль 921 года от Рождества Христова)

Надо было знать милейшую графиню Берту, чтобы понять, сколь быстро она начнёт действовать. Едва освоившись в родном замке в Лукке и ознакомившись с текущим состоянием дел, она через свою дочь Ирменгарду выказала горячее желание встретиться с её мужем, графом Адальбертом Иврейским. Не успел тот переступить порог её замка в Лукке, как Берта обрушила на него весь водопад своего красноречия, в котором было всё: и ничем не подкреплённая лесть о мнимых воинских доблестях графа, и отрицание наличия таковых доблестей у императора Беренгария, и упрёки, что неблагодарные сыновья её обрекли свою мать на тягостные муки Мантуанской тюрьмы, где гнилая солома служила Берте постелью, а гнусная червивая каша – единственной пищей. Будучи человеком внушаемым и падким на лесть, граф Адальберт целиком и полностью проникся заботами Берты, горячо одоблив планы её мести, в котором, по словам Берты, он сам стал бы главным бенефициаром победного заговора против Беренгария и вместе со своей прелестной супругой вознёсся бы на самый Олимп итальянской власти. Воодушевлённый поддержкой Тосканы, Адальберт начал вить паутину заговора столь энергично, будто помимо слов графиня Берта передала ему немалую частицу своей души.

Первым делом ему необходимо было собрать вокруг себя всех недовольных нынешним правителем Италии. Для этой темпераментной и гордой нации такое во все времена было делом не слишком сложным. Ядро заговора составили бароны Беренгария, Гизельберт и Одельрик, обделённые императором при своём восхождении (по крайней мере, так считали сами бароны), а также епископ Пьяченцы Гвидолин, чья натура была такова, что угодить ему и рассчитывать на верность его представлялось вещами совершенно неосуществимыми. Вскоре к этой троице присоединился после долгих уговоров молодой Фламберт, сын Гуго Миланского, не так давно решивший свернуть свою карьеру при дворе Беренгария и посвятить себя служению Церкви и Господу. Хлопотами императора и усилиями самого папы Фламберту был определён приход в одной из церквей Милана, но последний всё равно оставался разочарованным. Фламберт, ни много ни мало, метил в епископы, и заговорщики успешно сыграли на его неудовлетворённых амбициях.

Все, казалось, шло быстро, гладко и грозило зайти далеко, заговор начал обретать реальные перспективы, и, чтобы обсудить детали похода на Верону, заговорщики собрались совсем близко от Беренгария, в одном из постоянных дворов около Брешии. Прелаты церкви, впрочем, сие собрание не посетили, к вящей своей удаче, ибо Беренгарий каким-то образом, не иначе как посредством предательства кого-то из заговорщиков, узнал об этой встрече. Он выдвинулся в сторону Брешии, выслав вперёд себя сотню своих венгерских друзей-наёмников. Те лихим предрассветным смерчем атаковали спящих заговорщиков, накануне успешно поделивших между собой грядущие трофеи. Главе заговора Адальберту Иврейскому удалось улизнуть, Гизельберту и Одельрику повезло гораздо меньше, особенно последнему. Оба барона попали в плен, и если семье Гизельберта было позволено того выкупить, то Одельрика Беренгарий приказал в назидание всем повесить. На том первая тосканская атака на императора благополучно завершилась.

Берта, кипя от негодования и проклиная судьбу, снова отправила гонцов, на этот раз ко всем своим детям – к Ирменгарде в Турин и к Гуго в Арль – с требованием срочно явиться в Тоскану. Спустя три недели она дождалась возмутительно неторопливых, с её точки зрения, но зато величественных кортежей от маркизы Иврейской и графа Арльского. Этим же вечером

она собрала их в уже знакомом нам триклинии лукканского дворца, допустив к семейному совету бывших при ней Гвидо и молодого висконта Ламберта.

Пять лет тюрьмы не прошли для Берты даром, что незамедлительно зафиксировал для себя наблюдательный глаз Гуго Арльского. Не то чтобы тюремное обхождение с ней поспособствовало преждевременному старению, отнюдь. С графиней, вопреки её словам, всё это время обходились предельно вежливо, и стол её, пусть и не был напичкан изысканными яствами, всё же был сытен и обилён, и в прогулках на свежем воздухе графиню никто не ограничивал. Графиню раньше времени состарили чувства, всё это время безраздельно владевшие ею. Сквозь её некогда прекрасное лицо широкие борозды проложила ненависть, эта же ненависть выхолостила и её волосы, лишив их цвета, формы и объёма, та же самая ненависть заполонила её прекрасные голубые глаза, которые теперь ежесекундно высекали адский огонь. Да, за это время она действительно потеряла все интересы и цели в своей жизни, кроме одной – желания отомстить.

Зато дивным цветком расцвела её красавица дочь Ирменгарда. Братья не смогли скрыть возглас восхищения, когда увидели её, а та сошла со своих носилок, пряча в уголках своих вишнёвых губ всепонимающую улыбку. Роскошные, белые с золотом волосы, большие ярко-голубые глаза, белоснежные зубы (не смейтесь, большая редкость в те века!) – казалось, весь тосканский дворец озарился дополнительным светом, когда она откинула капюшон своего дорожного блию.

Вид её брата, тридцатипятилетнего Гуго Арльского, свидетельствовал о том, что дела графа все эти годы шли исключительно в гору. Граф, обладая достаточно заурядной внешностью, сверкал не менее, чем Ирменгарда, нацепив на себя неслыханное количество золота. Каждый палец на руке графа был увенчан массивным кольцом, на шее его висели не менее пяти золотых цепочек с драгоценными камнями и золотыми иконками, изображение челяди поразил великолепный золотой пояс, висевший у довольного собой бургундца на талии. Многие из приветствовавших сейчас Гуго изумились бы, если бы могли увидеть, в сколь простом и незатейливом наряде при всем при этом в своём замке сейчас печально бродит сюзерен арльского графа, несчастный король и отставленный император Людовик Слепой. Однако последнему все эти странности в их облачениях были неизвестны и неощутимы, тем более что единственная, кто мог бы возмутиться таким положением дел, королева Аделаида, не так давно отошла в мир иной, и вокруг Людовика воцарилась пустота не только зрительного восприятия действительности, но и общения.

Граф Гвидо Тосканский, перешагнувший не так давно тридцатилетний порог, по-прежнему оставался верным и послушным сыном, сразу уступив матери роль хозяина во всех делах Тосканы. С Ирменгардой и Гуго у Гвидо после смерти их отца отношения были прохладные, граф постоянно чувствовал, что те за его спиной строят какие-то козни и им очень не даёт покоя его любовь к Мароции. Тем не менее спокойная натура графа, его выдержанность и благоразумие все эти годы играли исключительно на пользу тосканским делам, и его мать в конце концов не могла не признать этого.

И наконец, в полный возраст и силу вошёл висконт Ламберт, младший сын Берты и единственный из мужчин в её семье, внешность которого заставляла Берту преисполниться гордостью и за него, и за себя. Да, Ламберт был похож на мать, но в его облике присутствовали и необходимая мужественность, и редкое благородство. Немного портила его образ излишняя горячность и не до конца испарившийся юношеский максимализм, но в этом он со своим родным и искренне любимым братом Гвидо органично уравнивали друг друга.

Берта, собрав своих детей, вопреки обыкновению не стала спешить с деловым разговором. На протяжении долгого и достаточно молчаливо проходящего обеда старая графиня внимательно изучала настроения своего потомства, обводя лица детей пронизательным взглядом и пытаясь понять влияние прошедших лет на характер и положение своих отпрысков. Только

закончив с трапезой и отпустив прислугу, она напомнила себя бывшую, когда не стала долго гулять своими мыслями в вечернем тосканском небе и сразу объявила детям цель их собрания.

– Отныне вы предельно ясно знаете врагов своих, дети мои, и ваш род, ваше гордое имя ставит перед вами единственную задачу – уничтожить их.

– Вы уверены, матушка, что все мы точно знаем врагов своих? – съязвил Гуго, выделяя слово «все» и косясь при этом на своего хмурого сводного брата.

Берта раздражённо встряхнула плечами.

– Тогда для непонятливых поясню. События последних лет весьма чётко очертили нам круг врагов нашего дома: это старый пес Беренгар, римские шлюхи Теодора со своей дочерью и их любовник, ко всеобщему несчастью ставший епископом Рима.

– Вот как! А мы все возносили хвалу Беренгарию за то, что он выпустил вас из неволи, – усмехнулся Гуго.

– Невелика заслуга, тем более что сделал он это ради своей умирающей святоши Анны, рассчитывая таким образом умиловить Небеса и упросить их оставить её в этом мире. Мне известно, что спустя сутки после того, как эту плебейку забрал к себе Господь, Беренгар отослал в Мантую гонца с приказом оставить меня подыхать в тюрьме. Но – осанна Небу! – его тюремщики были на редкость исполнительны и так торопились от меня избавиться, что я об этом узнала уже на полпути в Лукку.

Отметим, что это была сущая правда. Беренгарий очень скоро пожалел о своём сколь великодушном, столь и опрометчивом поступке.

– Напомню вам, матушка, что и меня выпустила из тюрьмы Мароция, так несправедливо оскорбляемая вами, – робко вставил Гвидо.

– Несправедливо? О Господи, смилуйся надо мной! За что посылаешь мне наказание такое? Ваша возлюбленная потаскуха, сын мой, очень быстро смекнула, что управление Тосканой ей не по зубам, тем более что ей необходимо постоянно держать в поле зрения Рим и Сполето. Вызволив вас из тюрьмы, она рассчитывала сохранить Тоскану под своим влиянием, и, судя по вашим словам, ей это неплохо удаётся.

И снова это было правдой. Граф Гвидо сник и побледнел. Гуго втихомолку усмехался.

– Кознями этих людей мы отстранены от решения судебных итальянских земель. Сие недостойно графов тосканских, – с необходимым пафосом закончила свою речь Берта, демонстрируя детям, что долгие лишения не сломили её характер и не поколебали намерения. Все её дети склонили головы в знак согласия.

– Союз цезаря и папы превозмочь трудно, почти невозможно, – молвил Гуго.

– Да, всё выглядит неприступно. Но за нами не менее могущественные бургундские и тосканские земли, и мы не должны мириться с этим. Нам, вероятно, не под силу начать борьбу против Рима, но позиции Беренгара, во все времена паршивого воителя, всегда выглядят ненадёжно. Что скажете, дети мои?

– Вы предлагаете, матушка, ещё одну военную авантюру против Беренгария? Не много ли прежних, неудачных примеров для вас, полученных от столь «паршивого воителя»? Всего-то прошёл месяц с тех пор, как Беренгарий напустил страху на супруга нашей прелестной сестрицы, – полемику с Бертой осмеливался вести только Гуго. Ирменгарда же при словах брата о неудавшемся заговоре заметно погрузнела, её губки сложились в маленький замочек упрёка.

Однако старую графиню с наезженной колеи было не свернуть.

– Да, да, ты прав, сын мой, но до известной степени. Вспомните все подробности походов против него. В первый раз ему помог Альберих Сполетский, на помощь которого он теперь едва ли может рассчитывать. Ах, сын мой, если бы не ваше любовное нетерпение, – она обратилась теперь к Гвидо, – Альберих Сполетский мог бы стать нам сейчас верным и сильным союзником. Какого рожна вам возгорелось заполучить себе его распутную супругу?

Гвидо ещё больше съёжился. Берта, не дожидаясь ответа, сердито передёрнула плечами и продолжила, отвернувшись от него.

– Во второй раз всё решила глупость и жадность вашего Людовика. Ну а ваш поход, сын мой, изначально не преследовал цели отобрать у Беренгара корону, вы это знаете лучше других. Вы, я так понимаю, тогда решали больше свои внутренние бургундские проблемы, или я не права?

– Да, но итогом этой кампании стала моя клятва не поднимать более меч на Беренгарию, – ответил Гуго.

– Ценю вашу щепетильность, сын мой, но разве нет повода оставить ваше слово в стороне?

– Нет, матушка, я дал слово, и я останусь верен ему, – твёрдо отвечивал Гуго.

Берта сокрушённо всплеснула руками. Гвидо недоверчиво взглянул на Гуго. Что-то он не слышал ранее о силе и надёжности слова своего сводного брата.

– Ну а заговор графа Иврейского развалился из-за предательства одного из его сообщников. По всем слухам, доходящим до меня, и судя по рассказу нашей Ирменгарды, предателя нечего искать среди воинов. Беренгару донес кто-то из числа облачённых в рясу, либо эта крыса Гвидолин, либо Фламберт, чьё короткое слово, похоже, уже становится фамильной чертой их рода. А может, и оба вместе.

На сей счёт с Бертой никто не спорил.

– Ну так что, – продолжала она, вновь всплеснув руками, – давайте признаем власть этого старого гриба Беренгара, признаем верховенство этого неувядаемого самца, папы Иоанна, и его старой потаскухи Теодоры, давайте поклонимся подстилке всех римлян Мароции и успокоимся навеки, ибо что ещё нам остаётся делать, раз мы все такие щепетильные и честные?

– Матушка! – синхронно произнесли Гвидо и Гуго, первый с укором, второй спеша с опровержением.

– Слушаю тебя, сын мой, – Берта повернулась к Гуго, даже не удостоив Гвидо кивком головы.

– Если Господь не наделяет нас своей силой и правдой в настоящий момент, это не значит, что против нашего врага решительно некому выступить. Есть сила, новая, тщеславная, которая может попытаться счастья и сразиться с Беренгарием. Нам же останется только наблюдать за этой борьбой и постараться воспользоваться плодами этой битвы вне зависимости от её исхода.

– Так, так, продолжай, – довольно встрепенулась Берта.

– Мой славный сосед, король Рудольф, достиг вполне определённого возраста, когда корона давит на неокрепшие мозги и зовёт на подвиги. Вот только пространства для него маловато, он не может разевать свою пасть ни на моё королевство, – ого, Гуго уже называл Нижнюю Бургундию не иначе как своей вотчиной, и это при живом-то Людовике! – ни тем более на королевства франков и тевтонцев. Три года назад он неосторожно потявкал на короля Генриха по прозвищу Птицелов¹³, и был наголову разбит этим отважным германцем возле Винтертура. Между тем, оставаясь пусть отдалённым, но всё же потомком Карла Великого, он имеет основания претендовать на итальянскую корону. В своё время папа Иоанн Тибуртинец и его слуга Теофилакт позвали моего сюзерена на царство. Что, если нам повторить их приём и пригласить в Италию Рудольфа за тем же самым?

– Я слышала об этом Рудольфе, – ответила Берта, – но исходя из услышанного я сомневаюсь, что он станет достойным правителем.

---

¹³ Генрих Птицелов (ок. 876—936) – король Восточно-Франкского королевства (Германии) (919—936).

– Тем лучше, ведь мы и не преследуем такой цели, матушка, – обрадованно заметил Гуго, – нам нужно, чтобы он выступил против Беренгария, а мы... Мы будем иметь дело с тем, кто одержит в этой борьбе верх.

– То есть либо с недотёпой Рудольфом, либо с ослабленным войной Беренгаром – задумчиво продолжила Берта. – Что ж, такой расклад может быть весьма неплох, в вашем предложении определённо имеется смысл, и его надо хорошенько продумать. Ну а вы, сын мой, в случае провала Рудольфа, возможно, получите тогда виды ещё и на Верхнюю Бургундию, не так ли? – Берта насмешливо, но одобрительно взглянула на Гуго. – Учитесь, дети мои, у вашего старшего брата, он мыслит как настоящий стратег и правитель. Но кто возьмёт на себя смелость и интерес начать переговоры с этим Рудольфом?

– Если вы не возражаете, то я, матушка, – промолвила прекрасная Ирменгарда, – я веду переписку с королём Рудольфом и... и... осмелюсь вам сказать, молодой король оказывает мне определённую симпатию и доверие.

– Поосторожнее, дочь моя, – сердито перебила её Берта, – довольно мне одного влюблённого безумца среди моих детей.

– Уверяю вас, здесь глупости нет места, – сказал Гуго, Гвидо при этом заметно нахмурился. – Ваша дочь Ирменгарда имеет доверительные отношения с королём Рудольфом, и это кратчайший путь к его помыслам и амбициям, поверьте. Любого другого из нашей семьи он примет настороженно, а меня и вовсе побоится пустить на порог.

– Хорошо, пусть так, – согласилась Берта, – но как поведёт себя супруг ваш, маркиз Адальберт Иврейский? От его позиции зависит очень многое, когда имеешь дело с Бургундией. Признаться, в своё время я наобещала Адальберту гораздо больше, чем он смог осилить, но слова-то мои он запомнил!

– Не беспокойтесь, матушка, – за Ирменгарду снова ответил Гуго, что не понравилось уже самой Берте. – Граф Адальберт получит свою выгоду при любом исходе дела, лишь бы победитель его был родом из Бургундии, – двусмысленно закончил он.

– А если будет иначе и Беренгар сокрушит Рудольфа, так же как и прочих, то ничего не останется Тоскане, как напрямую выступить против Беренгария, – негромко проговорила Берта, уставившись глазами в пол.

– Это будет вашей последней и отчаянной мерой, матушка, – сказал Гуго, склонив голову, – надеюсь, до этого всё же не дойдёт.

– Спасибо за намёк о моем возрасте, сын мой, – резко сказала Берта, и Гуго заметно испугался своих неосторожных слов. – Но клянусь кровью Господа нашего, если мне не останется ничего иного, я действительно это сделаю! И я сама лично возглавлю тосканское войско, – с горячностью произнесла Берта.

– Есть ещё Рим, вы совсем забыли про него, а как поведёт себя он? – словно в пустоту бросил слова Гвидо. Все досадливо обернулись в его сторону. Берта нахмурилась.

– Сын мой, я прошу вас немедленно принести мне клятву, что всё услышанное вами сегодня не станет известно ни одному лицу, находящемуся за пределами этих стен, – ледяным тоном произнесла Берта. Гвидо тут же потерялся.

– Я жду, сын мой, – от голоса графини в зале в самом деле повеяло арктическим холодом.

Гвидо ничего не оставалось, как принести эту клятву. Ламберт всё это время силился прийти к нему на помощь, отчаянно шевелил губами и уже готов был очертя голову ринуться в бой, причины которого он сам не до конца понимал, но Гвидо взглядом остановил его.

– Вот и славно, – произнесла Берта, – ничего не должно мешать интересам тосканского дома, и было бы вселенской глупостью повторить ошибки графа Иврейского. Что до Рима, то, лишившись поддержки на севере Италии и поссорившись с герцогом Сполето, у Иоанна и его любовницы останется не так уж много козырей. Если нашим планам Господь всемилостивый определит успех, следующей нашей целью будет Рим.

Этими словами Берта дала понять своим детям, что семейный совет окончен. Братья Гвидо и Ламберт уныло поплелись в свои спальни, находящиеся в соседней башенке. Гуго со свойственной ему непринуждённостью занял смежные с материнскими комнаты отчима, покойного графа Адальберта Богатого. Спальня Ирменгарды находилась также рядом. Не успела красавица графиня опуститься на кресло перед своим оловянным зеркалом, как к ней проворной тенью скользнул Гуго.

– Прелестная сестрица, я благодарю вас за помощь и надеюсь на вас, – как опытный кот, увидевший на крыше подругу, промяукал Гуго и бесстрашно запустил свои руки под тунику сестры.

Ирменгарда встрепенулась, стряхнула руки Гуго и, встав, отошла к огромному окну.

– В чём дело, сестрица? – Гуго не любил подобных отпоров.

– Я, наверное, полная дура, что помогаю вам, Гуго. – сказала Ирменгарда. – Что мне, лично мне, обещает ваша удача?

– Как – что? Ваш супруг, безусловно, укрепит своё графство, оно наверняка пополнится новыми землями и рабами.

– Прекрасно. Мой супруг выиграет, за него я теперь спокойна. А что это обещает лично мне?

– Вам? – пробормотал Гуго. Признаться, ничего кроме меркантильных расчётов все эти дни его душу не занимало, однако он нашёлся довольно быстро: – Все мы смертны, сестрица, и муж ваш смертен. Представляете, сколь могущественен и грозен был бы союз Ивреи и Бургундии, особенно если последняя не будет делиться на верхнюю и нижнюю, северную и южную?

– Каким же образом? Мы с вами брат и сестра, и ни один священник в мире не возьмёт на себя грех повенчать нас.

– Ну-у-у, – Гуго растягивал слова, пытаясь найти решение, – во-первых, мы не родные брат с сестрой, а во-вторых...

– Что во-вторых?

Ничего «во-вторых» у Гуго не было. Но надо было как-то замаскировать это или перевести разговор на другую тему.

– Я не могу сейчас обо всём вам сказать, Ирменгарда, однако знайте же, что я не желаю подле себя иную, кроме вас.

Ирменгарда всплеснула руками.

– Да что я слышу?! Да я ни на грош не верю вам, мессер братец! Мне достаточно известно, что вы, так же как и наш несчастный Гвидо, влюблены в эту римскую сучку Мароцию, только он в своих стараниях более счастлив, чем вы, а вас гложет самая настоящая ревность и зависть.

Гуго угрюмо молчал.

– Я вижу, вижу, как у вас меняется лицо, когда речь заходит о ней. Оно меняется так же, как у Гвидо! Не понимаю, что вы находите в ней, как вы можете желать её, когда, по слухам, в её постели побывала уже добрая половина Рима?!

– Прекрасная сестра моя, взгляните на своё отражение и ответьте, может ли мужчина, находясь подле вас, желать ещё кого-то другого? Неужели кто-то, познав само совершенство, может польститься на нечто низменное и гораздо менее привлекательное?

Гуго умел подольститься. Ирменгарда жадно ловила его слова. Ей хотелось, чтобы он продолжал и продолжал восхвалять её и унижать ту. Даже неизвестно, чего хотелось более слышать – комплиментов себе или хулы по адресу другой.

– Вы само воплощение великой Вальдрады, вы образ, вдохновляющий на подвиги и благородного сеньора, и сорванца-жонглёра, вы, вы... – с этими словами Гуго подошёл к Ирменгарде и вновь обвил её своими руками.

Ирменгарда, коротко ахнув, раскрыла свой алый ротик для поцелуя. Гуго не заставил себя долго ждать.

Три коротких хлопка послышались за их спинами. В дверях спальни стояла Берта в ночном одеянии, с нелепым чепцом на голове. Неизвестно, в какой момент она очутилась здесь и как долго наблюдала всю эту сцену.

– Я рада видеть, что мои дети испытывают друг к другу столь явную симпатию.

Гуго и Ирменгарда, разомкнув объятия и втянув головы в плечи, стояли молча.

– Но на этом я положу предел вашим чувствам, и я не желаю, чтобы когда-нибудь до моих ушей доходили хотя бы намёки на непозволительную связь между вами. Иначе всё это будет на руку врагам нашим, и в отношении вас я тогда буду действовать, как в отношении потворников врагам моим. Надеюсь, вы меня поняли, ибо дважды я повторять не собираюсь.

И старая графиня, цепко ухватив Гуго за руку, потащила его, как неразумного щенка, прочь из спальни Ирменгарды.

Эпизод 3. 1675-й год с даты основания Рима, 1-й год правления базилевса Романа Лакапина, 6-й год правления императора Запада Беренгария Фриульского (август 921 года от Рождества Христова)

Король Верхней Бургундии Рудольф Второй, сын Рудольфа, первого короля этого нового государства на карте средневековой Европы, не сошёл, а скорее соскочил со своего тронного кресла, когда граф его дворца доложил ему о прибытии Ирменгарды Иврейской. Несколько лет назад он, будучи совсем ещё юным и находясь в поиске своего идеала женской красоты, увидел это совершеннейшее создание на одной из ассамблей в Турине, которые устраивал муж этого небесного существа. Спустя время, несмотря на то, что юный король уже стал мужчиной благодаря опыту и стараниям служанок его замка, его мысли то и дело возвращались к кратким, но восхитительным моментам этой встречи. Даже во время обучения искусству любви посредством все тех же опытных наложниц он порой мысленно рисовал перед глазами образ той, так поразившей его, богини. И вот теперь эта богиня из плоти и крови запросто переступает порог его дома и, видимо, испытывает определённую потребность и интерес в общении с ним.

Он подскочил к едва успевшей преклонить колени графине и, трепеща всем сердцем, взял её за умопомрачительно изящную руку и усадил в соседнее с собой кресло. При этом он инстинктивно и, происходи это в иных случаях, совершенно непозволительно погладил её по руке, не имея сил сдержаться. Ирменгарда, видя его реакцию, естественно, постаралась подыграть королю и, жеманно вздохнув, спустя мгновение взмахнула ресницами и устремила на Рудольфа взгляд, полный дружеского расположения и как будто обеспокоенности за его судьбу. Затем она удивлённо и сокрушённо повела вокруг себя очами, и понятливый король велел моментально убраться всем слугам, внимательно наблюдавшим за этим дивным брачным танцем.

– Ваше высочество, рада видеть вас в здравии и христианском смирении, как подобает христианнейшему владыке сих земель, – начала она.

– Великолепнейшая графиня, очаровательная графиня, я немедленно прикажу казнить всех своих слуг, которых я направлял в ваше расположение все последние годы.

– За что же, ваше высочество? – продолжала жеманничать Ирменгарда.

– Потому что, часами рассказывая о вас и рассыпаясь в комплиментах вам, они в описаниях своих не упомянули и сотой доли вашей красоты, – склонив голову, ответил ей Рудольф. Краска тщеславия лёгкой волной прошла по лицу прелестницы.

– Прошу, нет, требую помиловать их немедленно, ибо они зато поведали мне всю правду о вашей мужественности и вашем благородстве. Видит Бог, они заслуживают немедленного прощения.

– Одно ваше слово, и эти презренные псы будут спасены. Ваше слово звучит в моих ушах небесной музыкой.

– Вот как, – усмехнулась Ирменгарда. – Тогда я уверена в успехе своей миссии.

– Что за миссия, прекраснейшая из живущих? – спросил Рудольф, немного разочарованный сменой разговора на более приземлённые темы.

Ирменгарда внимательно оглядела короля. Рудольфу не так давно исполнилось двадцать два года. Внешностью он был не слишком примечателен: лицо с высоким лбом оттеняли рыжеватые волосы, всё лицо его, щёки и подбородок были в ямочках, но не в тех, что так нравятся женщинам, а в тех, что скорее свидетельствуют о мягкости и слабости его характера. Он был высокого роста, но совершенно узкоплеч, и туловище его по длине своей не уступало длине

ног. Король, увы, был ленив и честолюбив одновременно, и эти два порока устраивали между собой периодические войны, никогда окончательно в них не побеждая.

– Вам известно, что наш император Беренгарий слаб и стар, и дни пребывания его в этом мире вряд ли исчисляются тысячами.

– Время никто не может повернуть вспять, – философски ответил Рудольф.

– И он, ко всему прочему, не имеет наследников, что неизбежно после кончины императора приведёт к новым междоусобным войнам, от которых в последнее время так устала Италия. – И Ирменгарда вздохнула столь томно, как будто помимо Италии смертельно устала и она сама.

– Вероятно, – продолжал отвечать Рудольф, больше занимаясь разглядыванием собеседницы. Это занятие его заворожило настолько, что он машинально ляпнул: – Но ведь наследником Беренгария должен считаться ваш пасынок, Беренгарий-младший?

Глаза Ирменгарды вспыхнули пламенем, знакомым всем тем, кто когда-либо общался с её матерью. Однако Ирменгарда, ненавидевшая своего пасынка классической ненавистью мачехи, была всё же готова к подобному вопросу.

– Недавний мятеж моего супруга, мятеж неудавшийся, привёл к тому, что император во всеуслышание поклялся не иметь дело с семьёй графа Иврейского, в том числе со своим внуком.

– Это мало что меняет в вопросах наследства.

– Это меняет все для тех, чьи амбиции простираются дальше их владений, полученных при рождении. Ваши доблести, ваше высочество, настолько обширны, что вряд ли достойны пределов занимаемого вами королевства.

– Вы льстите мне, графиня, – сказал, вдруг заметно напрягшись, Рудольф.

– Нисколько. Вы потомок Вельфа¹⁴ и Конрада, ваш род ведёт свою историю от самого Одоакра¹⁵, однако волею судеб вы замкнуты сейчас в пределах вашего маленького королевства, хотя вы достойны большего.

Рудольф молчал. Его тщеславие было покороблено обидным словом «маленького». Он сам знал это и сам этим терзался.

– Мне представляется удобным момент, когда вы можете потребовать королевскую и императорскую власть себе по праву сильного, ибо нынешний правитель не в состоянии обеспечить покой вверенным ему владениям, среди которых и святой Рим.

– От кого идёт это предложение? – Бургундский король пытался говорить с равнодушием в голосе, но глаза его предательски блеснули. При всей своей мягкотелости и инфантильности он был вовсе не чужд авантюрам.

– Граф Адальберт Иврейский, супруг мой, говорит моими устами и обещает вам в делах ваших всякое содействие. Помощь вашей миссии обеспечит и графство Тосканское, спасаемое Господом, моей матерью Бертой и моим братом Гвидо, – ответила, привстав с кресла и изогнувшись в грациозном поклоне, Ирменгарда.

– Почему вы обратились именно ко мне? Разве не является креатурой вашего дома ваш сводный брат, граф Гуго Арльский?

– Буду с вами откровенна, на первых порах так всё и было. Но! Граф Гуго, увы, связан клятвой с Беренгарием не обнажать против него оружие своё до конца дней одного из них. Граф Гуго навряд ли будет предпринимать что-то серьёзное, покуда жив его слепой сюзерен, от которого Гуго ждёт не только Лангобардию, но и Нижнее королевство. Что до моей матери, графини Берты, то она полна желания отомстить Беренгарию за своё заточение, и любая весть о его падении будет принята моей матерью с великой радостью. Она хочет свершить над ним

---

¹⁴ Вельф I (778—825) – граф Аргенау, основатель династии Старших Вельфов, давшей Европе множество правителей.

¹⁵ Одоакр (433—493) – первый король Италии (476—493), свергший последнего императора Западной Римской империи.

суд ещё при этой жизни. И наконец, мой родной брат Гвидо недолюбливает Гуго Арльского и менее прочих желает видеть королевскую корону на голове его.

Рудольф опустил голову и хранил молчание. В голове его шла кипучая деятельность, мозг горел и плавился.

– В своё время такое же предложение делали Людовику, моему соседу. И ничего хорошего из этого не вышло.

– Узнайте подробности его кампании, и вы поймёте, что именно навредило ему. Однако даже при всей своей никчёмности король Людовик стал тогда цезарем, то есть достиг своей цели, не забывая это.

– До меня также дошли слухи, которые вы несколько минут назад подтвердили, что не далее как в прошлом месяце ваш супруг также пытался организовать свержение Беренгария и что эта попытка была пресечена в самом зародыше.

– О, вы прекрасно осведомлены об итальянских делах, государь!

– Ко мне на днях прибыл бергамский граф Гизельберт, один из активнейших помощников вашего мужа. Он поведал мне, что весь план рухнул из-за предательства в их рядах, и, несмотря на все мужество и стойкость Гизельберта, рыцаря Одельрика и вашего мужа, Беренгарий одержал верх.

Ирменгарда громко расхохоталась. Рудольф удивлённо смотрел на неё, чувствуя некоторую досаду, так как не понимал причины смеха и допускал вероятность, что где-то в своих словах допустил какую-то оплошность.

– О, великодушно простите, государь! Мой смех вызван исключительно содержанием того, что вам здесь наплёл этот мужественный рыцарь Гизельберт, этот бравый вояка Гизельберт!

– Наплёл?

– Из уст моего мужа и его слуг, уцелевших после короткой стычки, я слышала несколько иной рассказ о случившемся. Венгры Беренгария атаковали их на рассвете и застали спящими. Мой муж Адальберт, поняв, что врагов на их головы Господь наслал более, чем способны поразить их мечи, не стал надевать на себя графскую одежду, без сожаления расстался со своими драгоценностями, что были на нём, и ещё по дороге к Беренгарию был отпущен на свободу жадными венграми, которым один из наших иврейских вассалов дал за моего мужа выкуп, как за простого всадника.

– Ловко!

– Граф Одельрик действительно был чуть ли не единственным, кто до последнего сжимал в руках свой меч. Возможно, он понимал, что, будучи однажды уже уличённым в неверности Беренгарию, ему едва ли придется рассчитывать на повторное прощение. Так оно и вышло. Император для устрашения врагов своих приказал повесить его. Господи, помилуй его душу!

– Помилуй его душу! – повторил король.

– Что касается нашего храбреца Гизельберта, то в момент, когда его приволокли связанным к императору, из одежды на нём была только короткая камиза, доходящая ему до пупка, так что всё прочее было открыто для созерцания всем желающим.

Плечи короля затряслись от смеха.

– Зато столь комичный вид пленника, вероятно, спас тому жизнь. Беренгарий посчитал, что публичное унижение стало Гизельберту достаточной платой за измену. Он собственноручно возложил на срамную фигуру графа свой плащ, дабы прекратить невежливый смех своих подданных и нелестные оценки графу со стороны собравшихся жён.

Смех короля достиг самых отдалённых пределов его приёмной залы.

– Перестаньте, Ирменгарда, я уже не знаю, как теперь завтра буду встречать графа и сохранять при этом подобающий вид. Перед моими глазами будет постоянно стоять картина, описанная вами!

Ирменгарда замолчала. Король, отсмеявшись, усилием воли вернул себе серьёзное выражение. В этот момент красавица произнесла:

– Государь, своё решение вы должны принять чрезвычайно быстро. Сейчас и только сейчас ваше время, дальше будет поздно. Если Господь и в самом деле призовет Беренгария к себе, мой брат Гуго незамедлительно предъявит свои права, и тогда уже все, безусловно, поддержат его, а не вас.

Дальше можно было не продолжать. Рудольф вскочил и начал нервно вышагивать по зале. Всегда и во все времена новость о том, что твой ближний и, как правило, ненавистный сосед сможет одержать верх и получить незаслуженную – а как же иначе? – и притом космическую награду, затмевала все практические расчёты и заставляла позабыть об осторожности.

– Ваш шанс, кир, действовать быстро и смело, – dokonчила Ирменгарда.

На мгновение здравая мысль заскочила в потревоженный рассудок Рудольфа.

– А вам, прекраснейшая графиня, какой интерес вам участвовать в кампании против вашего брата?

– Против сводного брата, государь, – ответила Ирменгарда, вовремя вспомнив такую же отговорку из уст Гуго, – мои родные братья живут в Тоскане. А потом, не скрою, я рассчитываю, что падение Беренгария лишит серьёзной поддержки моего пасынка.

– Хорошо, хорошо, прекрасная Ирменгарда. Замысел ваш смел и отважен, вот только предыдущие попытки всякий раз оказывались неудачными. Тот же Гуго тому свидетель.

– Повторяю, у исхода тех событий была своя логика. – И Ирменгарда повторила слова своей матери, логично объяснившей причины прежних неудач: – Но вам, помимо отсутствия воинских доблестей у Беренгария, должно придавать смелости и нечто другое. То, чего точно не было у вашего соседа Людовика семнадцать лет назад.

– Что вы имеете в виду, Ирменгарда?

– Как? Вы ещё спрашиваете? Священное копье, которым, по легенде, пронзили тело нашего Господа и которое, по слухам, находится у вас.

– Это не слухи, прекраснейшая из живущих.

– Тогда верно и то, что говорят монахи про это копье.

– Что говорят?

– Что обладатель этого копья непобедим на поле брани. А раз так, то вам действительно нечего бояться.

Рудольф обхватил свою голову руками.

– И всё же, Ирменгарда, почему вы хлопчете о моём успехе?

– Потому что ваша победа, ваше высочество, сделает вас сеньором Ивреи, и тогда я стану вашей послушной и робкой госпожой.

– Послушной для чего?

– Для всего, чего пожелает мой могущественный сюзерен. В вашей воле будет тело и душа моя.

У Рудольфа перехватило дыхание. Он ждал именно такого ответа. Будь он менее робок, он бы немедленно попытался авансом воспользоваться всеми преимуществами своего грядущего сюзеренитета, благо в зале кроме них никого не было.

– А как же ваш муж?

– Мой муж уже достаточно в годах, чтобы из всех жизненных интересов для него осталась привлекательной лишь власть. Вот уже больше года никто не тревожит мой сон. Но не думайте, что моими желаниями руководит легкомысленная похоть. Вы лучше представьте себе, как величественно и грозно бы выглядел союз Бургундии, Ивреи и Северной Италии. Мы заставили бы Рим трепетать. Да что там, мы заставили бы Рим подчиняться!

Глаза Ирменгарды манили, однако Рудольф, при упоминании Рима, на мгновение о чём-то вспомнил, украдкой взглянув на свой стол. На столе лежали письма из Рима от Мароции Теофилакт. В одном из них, совсем недавнем, значилось:

«Мой дорогой друг! Усилиями наших врагов из Мантуанской тюрьмы освобождена старая интриганка Берта Тосканская. Не удивлюсь, если апокрисиарии её, в том или ином облике, появятся подле вас с предложением всяких авантур. Умоляю, будьте благоразумны».

Однако, в самом деле, время не оставляет ему другого выбора. Или сейчас, или всё приберёт к рукам этот прохиндей Гуго, и та же Берта с удвоенной энергией кинется поддерживать его, ведь он её собственный сын. Только сейчас или никогда. Только сейчас или никогда.

– Только сейчас или никогда, – словно угадав его мысли, повторила Ирменгарда, и Рудольф вздрогнул.

– Мне хотелось бы ещё, конечно, заручиться поддержкой моих союзников из Швабии, и в первую очередь герцога Бурхарда, – словно оправдываясь, сказал он.

– Говорят, этот герцог предлагает вам руку своей дочери Берты? – сложив на лице печальную мину, спросила Ирменгарда.

– Меня не интересует рука его дочери, меня интересует его конница, – Рудольф запротестовал настолько жарко, что Ирменгарда женской интуицией поняла, что попала в точку.

– Так в чём же дело? Обещайте им щедрую добычу, Италия – богатая страна. Германские же воины прекрасны в бою. Это станет прекрасным подспорьем вашему божественному палладиуму¹⁶. Кстати, покажите мне это копьё, ваше высочество. Вы можете его мне показать?

Рудольф закивал головой и хлопнул в ладоши слугам. Те, получив приказ, вновь удалились и спустя несколько минут принесли своему господину бархатный ларец. Рудольф достал ключ, болтавшийся у него на шее, и открыл крышку. Ирменгарда, вся трепеща от благоговения, заглянула внутрь ларца.

На алом бархате, мирно и ничем не выдавая своё великое происхождение, лежал наконецник старого копья, который при желании и сегодня можно лицезреть в Венском музее. Копьё римского воина Лонгина, по легенде, нашла Елена, супруга императора Константина. Великий август приказал перевезти сокровище в Иерусалим, где оно, с недолгим перерывом, находилось до начала десятого века. Рудольфу же эта реликвия досталась от соратника его отца, оборотистого и невероятно деятельного графа Сансона, чья неуёмная энергия однажды забросила своего хозяина в палестинские земли. Свои приключения в Святой Земле граф Сансон не открывал никому и никогда, известно было только, что он приплыл в Массалию¹⁷ без гроша в кармане, но зато с целым ворохом самых невероятных реликвий, которые немедленно пустил в оборот, и молодой король стал одним из первых и совершенно точно самым щедрым клиентом. Сансон действовал хитро, он сделал всё, чтобы о копье Лонгина король узнал сам от городских сплетников, а во время аудиенции сначала долго отрицал слухи, затем долго упирался в цену, всем своим видом показывая, что данная вещь бесценна и торгу не подлежит. Когда Рудольф уже было совсем упал духом, хитрый Сансон, будто бы из любви к своему юному монарху и токмо за ради процветания Великой Бургундии, которой, по его словам, уготовано грандиозное будущее, вдруг ополовинил последнюю цену, предложенную королём. Сделка состоялась, Сансон получил в итоге не только приличные деньги, но и трамплин для последующей быстрой карьеры, ибо король был не из тех, кто забывает такую бескорыстность и такое благочестие. Копьё сменило грубые холщовые обмотки на изящный ларец и с тех пор начало своё великое путешествие по Европе. Дабы оказать реликвии особую почесть и отличить его

---

¹⁶ Талисману.

¹⁷ Марсель.

от обычных римских ромбовидных копий, с их прорезями посередине лезвия, Рудольф приказал выполнить золотые накладки. Много времени юный властелин с тех пор потратил, изучая в одиночестве великий подарок Судьбы, и тщетно искал в старом наконечнике гвозди от Креста Господня, которые, согласно легенде, были вделаны в копье. Реликвия хранилась в личной сокровищнице короля, имела собственную стражу и выносилась на всеобщее обозрение только в день Светлой Пасхи, после чего королевские гости, уезжая из Безонтиона, своими восторженными языками разносили по всему христианскому миру славу о счастливом Рудольфе Бургундском, чья звезда должна вознестись в самое ближайшее время. И в самом деле, уже тогда ходила легенда о непобедимости в бою их обладателя, легенда, которой впоследствии будут верить многие вседержители и тираны мира, начиная с Оттона и заканчивая Гитлером. Впрочем, у Рудольфа не было ещё повода проверить копье в деле: он приобрёл его у графа Сансона чуть позже того, как пострадал в столкновении с Генрихом Птицеловом, королём Саксонии.

Ирменгарда осенила себя крестным знаменем – даже это она делала с каким-то жеманным кокетством – и взяла в свои нежные ручки старый обломок оружия, когда-то прервавшего земные страдания Христа. Она стала вертеть копье перед глазами, изучая со всех сторон, и даже несколько раз приподняла вверх, оценивая его вес.

– Говорят, это копье охотилось за Иисусом сразу после Его Рождения и младенцев Иерусалима убивали именно им. Затем оно оказалось в руках Лонгина... Подумать только, этим копьем пробили тело нашего Спасителя! Что, если на нём сохранились пятна его крови? Что, если вот эти бурые пятна не ржавчина, а настоящая кровь Его? – И Ирменгарда прикоснулась к наконечнику копья губами.

Она повернулась к Рудольфу.

– Представь, что ощутил Спаситель, когда его ударили этим копьем.

И она легонько ткнула копьем в грудь королю. Рудольф мог ожидать от неё все что угодно, но только не это. Он испуганно отпрянул от неё. На его рубаше проступило небольшое пятнышко крови.

– Что ты делаешь? – крикнул король. В дверях немедленно показались потревоженные его криком слуги, но король сердито махнул им рукой.

Ирменгарда снова рассмеялась, обезоружив властителя Верхнебургундского королевства.

– Отныне все будут говорить, что это копье за всё время существования пробивало тела только двоих в этом мире. Спасителя и твоё. – И она, вернув копье в ларец и поклонившись ему, подошла вплотную к Рудольфу, ослепляя его близким блеском своих глаз.

– Я недостойн, чтобы это копье касалось моего тела, – пробормотал он. – Мы совершили святотатство.

– А римский воин? Лонгин в своё время и не подозревал, кого он протыкает этим копьем, он совершал свой выпад с абсолютным безразличием и уж тем более не мыслил, что совершает святотатство. А вот я, в отличие от него, знаю, кому наносила удар. И я тем самым хотела воззвать тебя на подвиги, которые достойны только самых великих людей, поскольку верю, что тебе это по плечу. И прежде всех прочих, именно я готова стать твоей первой наградой, если миссия твоя удастся, и горе тому, кто попытается занять моё место! – С этими словами она обвила своими руками шею Рудольфа, не дав охваченному страстью королю возможности сообразить, кому адресована её последняя фраза.

Ну что ещё нужно было молодому, тщеславному и закомплексованному монарху? Его звали, ему обещали помощь, ему гарантировали награду, о которой он мечтал, на его стороне был священный талисман, приносящий успех в ратном деле, – помехой оставался только старый, никчёмный, доживающий свои дни император. И пусть кусает локти хитрый, завистливый сосед-родственник, пусть навсегда оставит мысль об итальянской короне, ему на сей раз будет

уготована малопочётная роль молчаливого свидетеля чужого триумфа. Ах, если бы ещё его, Рудольфа, ко всему прочему поддержал бы своим войском Бурхард Швабский!

И Рудольф принял решение. То решение, которое, как ему казалось, он выстрадал, и то, которое от него все заинтересованные в этом ждали.

Эпизод 4. 1675-й год с даты основания Рима, 2-й год правления базилевса Романа Лакапина, 6-й год правления императора Запада Беренгария Фриульского (октябрь 921 – март 922 года от Рождества Христова)

После отъезда Ирменгарды из столицы верхнебургундского королевства Рудольф преисполнился поистине неуёмной и заражающих всех прочих энергией. Советники короля сопротивлялись этому внезапному всплеску энтузиазма дольше всех и призывали Рудольфа не спешить с походом в Италию, тем более что надвигалась осень и переход через Альпы представлялся трезвым головам абсолютно ненужным геройством. Однако король и слышать ничего не хотел о следующей весне, за эти полгода старый император вполне, по его опасениям, мог отправиться к праотцам, и тогда все мечты Рудольфа грозились быть развеянными южным провансальским ветром. Настроению короля не давали остыть и письма из Ивреи, в которых прекрасная Ирменгарда и её муж, ни о чём постороннем, быть может, не ведающий, дружно призывали его объявиться в Италии, обещая военную и финансовую помощь. Письмо поддержки было получено Рудольфом и от Берты Тосканской, однако мудрые советники короля, среди которых были и ветераны похода Людовика Слепого, предостерегали своего монарха от безоглядной веры в слово и мечи итальянских магнатов. Рудольф и сам понимал это, а посему бросил клич бургундским баронам собираться под свои знамёна согласно присяге. Вняв рекомендациям своих придворных, он направил также приглашение сеньорам Нижнего королевства, обещая последним солидные бенефиции.

Разумеется, это не укрылось от ока Гуго Арльского, и последний, как всегда практично, не упустил своего шанса погреть на этом руки, став финансовым посредником между Рудольфом и де-юре вассалами Людовика Слепого, а де-факто своими вассалами. Отправляя своих баронов в поход, дальновидный Гуго рассматривал разные варианты дальнейшего развития событий, и присутствие его вассалов на итальянской земле, рассуждал он, могло дать ему при случае дополнительные козыри.

К концу сентября под знамёна Рудольфа собралось около тысячи рыцарей. Примерно на такое же число копий он мог рассчитывать от своих сторонников по южную сторону Альп. Однако со своим выступлением из Безонтиона король не спешил. Не будучи уверенным в собственных воинских доблестях, да и вообще не слишком уверенным в своих силах и надёжности союзников, он ждал вестей от швабского герцога Бурхарда, в своё время успешно уладившего конфликт Рудольфа с саксонским королём Генрихом Птицеловом.

В начале октября Рудольф получил наконец письмо из Цюриха и, узнав о его содержании, впал в трёхдневную депрессию. Своим условием участия в походе герцог назвал немедленную помолвку Рудольфа с его дочерью Бертой, напомнив тому об обещании, данном Рудольфом в дни его войны с Птицеловом. Обещании, от исполнения которого Рудольфу до последнего дня удавалось под разными предлогами увиливать. Тоже мне обременение, презрительно хмыкнули бы в наши дни, когда помолвка служит необязательной и почти отжившей своё прелюдией к браку, своеобразным протоколом о намерениях, не более. Однако в Тёмный век помолвка (обручение) играла роль более важную, чем сама церемония бракосочетания. Среди низших слоёв общества именно во время помолвки осуществлялись основные расчёты между сторонами, вносился задаток со стороны жениха, ныне, как правило, сузившийся до размеров кольца, наступала ответственность за целомудрие невесты. В кругу же власть предержащих, и особенно носящих корону, обручение, помимо прочего, формировало военные союзы и определяло политическую карту на многие годы вперёд. Переводя на канцелярский язык, обручение в Средние века представляло собой полновесный брачный договор, а свадьба явля-

лась, если хотите, подписанием акта сдачи-приёмки, венчающим подчас долгий и занимательный процесс.

Три дня бургундский король чертыхался в своих покоях, воображение ему рисовало то ослепительную красавицу тосканку, то дочь герцога, чей выпуклый лоб и по-телячьему навыкате глаза не пробудили в молодом короле при их встрече ни искры страсти, ни капли желания обладать. В таком вопросе он к тому же не мог, понятно, довериться своим советникам, и все эти дни мучительно раздумывал, в отношении кого его вероломство принесёт впоследствии меньше проблем. Наконец тактик победил в короле стратега. В конце концов, подумал король, помолвка, при всей своей значимости в то время, все-таки ещё не свадьба, и далее он вполне может найти способы отвертеться от нежелательного брака, тем более если его чело увенчает итальянская корона. Да и в походе может быть всякое, и объект его любви, наконец, также связан браком, так что непонятно, каким ещё образом Ирменгарда намерена от него освободиться. Зато под его флагом окажутся пять сотен разудалых швабов, с которыми Рудольф был готов пойти хоть до самого Рима.

Итак, Рудольф дал своё согласие на помолвку и просил герцога Бурхарда с его дочерью пожаловать к себе в Безонтион. В своём письме к герцогу он постарался выжать из себя как можно больше эпистолярного мёда, неуклюже расписывая свою мнимую радость по случаю столь лестного для него предложения. Швабское войско подошло к знаменитым «Чёрным воротам» Безонтиона в начале ноября, а спустя три дня во дворце архиепископа состоялась помолвка, в ходе которой Рудольф, глядя в пузырящиеся водянисто-серые глаза своей невесты и говоря слова брачного обета, вместо *accipio* произнёс *accipiam*¹⁸. Хитрость короля не осталась незамеченной бдительным будущим тестем, Рудольфу пришлось принести извинения за свою якобы оговорку и произнести слова клятвы заново. Следующие два дня Рудольф старательно заглаживал свою вину перед суровым герцогом, устроив тому сначала прекрасную охоту, а затем богатый пир.

Десятого ноября 921 года швабско-бургундское войско выступило в поход по знаменитой «дороге франков». Природа сжалилась над Рудольфом, и до того момента, когда король трепетно поклонился мощам святого Бессо – покровителя Ивреи, небо не извергло на его голову ни капли влаги. Суеверные воины, как обычно, увидели в этом милость Господа к совершаемым им деяниям. Граф Адальберт Иврейский с великим радушием принял в свои объятия нового претендента на корону, который то и дело не то с опаской, не то с вождением косился на его жену. Два дня прошли в пирах, после чего тайное стало явным. Ирменгарда, конечно же, узнала о состоявшейся помолвке и передала Рудольфу записку, в которой было только два слова: «Ego ulciscar»¹⁹. Уже на следующий день Рудольф заторопился покинуть Иврею, боясь лишний раз показаться Ирменгарде на глаза, а ещё больше боясь потерять пятьсот воинов, выделенных ему Адальбертом на подмогу.

Следующей целью Рудольфа являлся Милан. В первые дни его нового перехода погода начала портиться, и если поначалу бургундское воинство сопровождали ещё небольшие и быстро заканчивающиеся дожди, то после Турина небо окончательно заволокло тучами, которые охотно и почти непрерывно начали делиться своими запасами воды с непрошеными гостями. Темп продвижения дружины Рудольфа немедленно упал до черепашьяго хода. Когда через неделю вымокшее до нитки бургундское войско подошло к стенам Милана, здесь их поджидал куда более неприятный сюрприз: город закрыл ворота.

Об осаде, не говоря уже о штурме, нечего было и думать, дождь к этому моменту шёл стеной, воины чуть ли не в открытую осыпали своих полководцев ругательствами, а обозы с про-

¹⁸ Вместо «принимаю» сказал «возьму» (лат.). Из двух вариантов брачного обета, использовавшихся в Средневековье, король Рудольф пытался выбрать для себя более гибкий вариант.

¹⁹ «Я отомщу» (лат.)

довольствием и осадными орудиями застряли в занятой двумя днями ранее Новаре. Рудольф отступил в Новару и вместе с герцогом Бурхардом предался размышлениям относительно своих дальнейших действий.

Власть в Милане в последние годы принадлежала местному архиепископу

Гариберто ди Безана²⁰, с которым правители Ивреи поддерживали самые дружественные отношения. Именно в стенах Милана несколько месяцев назад нашёл своё прибежище граф Адалберт после раскрытия его заговора против Беренгария. Поэтому в своих планах Рудольф и его советники не сомневались, что Милан станет надёжным союзником их кампании. Что же тогда случилось?

Причина оказалась проста. Едва проводив графа Адалберта за городские стены и снабдив того конём, копьём, достойным одеянием и десятком слуг, почтенный архиепископ испустил дух, и за его палий немедленно началась ожесточённая борьба. Поначалу явным фаворитом казался Фламберт, сын Гуго Миланского, внук бывшего городского правителя Майнфреда, а также, ко всему прочему, ещё и дальний родственник умершего архиепископа. Долгое время он служил при дворе Беренгария и, стало быть, мог рассчитывать на поддержку императора, а значит, и самого папы. Однако в дело вмешался епископ Пьяченцы Гвидолин, который также мог рассчитывать на заступничество императора и папы. От последнего Гвидолин требовал, чтобы тот закрыл глаза на нарушение церковных канонов и дал своё согласие на смену одной епископской кафедры на другую. Папа Иоанн Десятый, в своё время именно таким образом добившийся для себя тиары, для других исключение делать не стал и в просьбе Гвидолину отказал. Узнав о решении папы, пошёл на попятную и император, несмотря на всё своё благожелательное отношение к епископу Пьяченцы, в своё время донёсшему ему о заговоре Оделика и Гизельберта. Единственное, что он мог сделать для своего обиженного друга, — это взять с Фламберта обязательство внести пожертвование, то есть, проще говоря, заплатить за епископский палий немалую сумму в королевскую казну и в казну веронской епархии, причём Беренгарий не поленился и подробно описал суммы, причитающиеся веронскому клиру вплоть до последнего остиария и кубикулария. Фламберту ничего не оставалось, как, до боли укусив себя за локоть, согласиться на условия императора.

В октябре состоялась интронизация Фламберта, а спустя месяц к стенам вверенного ему города подошли бургундские войска. Оскорблённый императором Фламберт поначалу готов был встретить Рудольфа хлебом-солью, однако по совету своего более мудрого отца, Гуго Миланского, принял решение запереть стены замка, рассчитывая таким поступком заслужить благодарность императора и, возможно, получить разрешение не платить или хотя бы уменьшить умопомрачительный и унижительный выкуп. Первая реакция Беренгария на события в Милане позволила новому епископу думать, что отец дал ему дельный совет.

Благодарное письмо Беренгария новому епископу Милана стало чуть ли не первой весточкой лангобардским землям от их императора, на права которого открытым образом покусились. Конечно, Беренгарий ещё в сентябре от пилигримов-монахов узнал о приготавлении нового похода в его земли со стороны Бургундии. К этой угрозе король отнёсся не слишком серьёзно, поступавшая к нему информация о новом претенденте не нарушила сон и аппетит старого монарха. Измена Ивреи и скрытая поддержка Рудольфа из Тосканы также не стали для Беренгария сюрпризом. Он направил молодому бургундскому королю письмо с гневным требованием остановиться и дожидаться в Новаре прихода императорской делегации, после чего Беренгарий предложил Рудольфу встретиться лично и устранить возникшую конфликтную ситуацию. Любопытно, что Рудольф, словно верный вассал, и в самом деле послушно остановился и до конца 921 года оставался в Новаре. Впрочем, богобоязненные люди, сторон-

²⁰ Гариберт Безанский (? — 921) — архиепископ Милана (919—921).

ники бургундской короны уверяли, что бездействие короля объясняется лишь рождественским постом, по окончании которого вся Италия почувствует на себе его мускулистую руку.

Во время рождественских праздников Рудольф получил послание из Рима. Письмо было от папы, в котором Иоанн Десятый выразил все своё возмущение вторжением бургундских войск и под угрозой интердикта приказывал покинуть пределы Италии. К этой угрозе бургундцы отнеслись со всей серьёзностью, тем более что поток корреспонденции из Тосканы, их потенциального союзника, внезапно и подозрительно прекратился, а ведь Рудольф изначально рассчитывал по крайней мере на пятьсот тосканских копий.

В итоге в течение января 922 года Рудольф оставался за стенами Новары, и так могло продолжаться сколь угодно долго, если бы в начале февраля пред его очами не предстал Гвидолин, епископ Пьяченцы, чьи притязания на миланскую епархию не нашли отклика ни в сердце папы, ни в сердцах жителей города. Впрочем, как это обычно бывает, проигравший видел причины своих неудач в кознях своих врагов при императорском дворце, а с помощью Рудольфа надеялся взять реванш. Рудольф участливо выслушал не слишком объективный, зато хитро продуманный рассказ епископа Пьяченцы и пообещал в случае захвата Милана немедленно восстановить там якобы попорченную справедливость. Взамен король потребовал от Гвидолина помощи в привлечении на свою сторону прелатов Лангобардии и очень скоро получил от того результат, весомость которого сложно было переоценить: Иоанн, епископ Павии, приветствовал Рудольфа и изъявил готовность признать его королём Италии.

Рудольф вновь, как и в случае своего брачного выбора, на несколько дней потерял сон. Несмотря на то что миновало уже два месяца с тех пор, как он появился в Италии с мечом в руках, до сего дня никаких активных враждебных действий относительно Беренгария Рудольф не предпринимал, а значит, по сию пору у него оставалась возможность без особого ущерба для себя убраться восвояси. Вход в Павию однозначно был бы воспринят как реальное объявление войны Беренгарию, а посему Рудольф откровенно трусил.

В трусости можно было бы заподозрить и Беренгарию и этим объяснить его бездействие. Однако, справедливости ради, это было не совсем так. Просто очень быстро император понял, что круг его союзников чрезвычайно узок. После того как Беренгарий оставил без внимания жалобу герцога Альбериха на несправедливый раздел трофеев гарильянских сарацин, učinённый папой Иоанном Десятым, на помощь Сполето уже нельзя было рассчитывать. Помощь Рима носила в основном нематериальный характер, папа был горой за него, но сам город, возглавляемый Мароцией, играющей только ей самой известную партию, категорически отверг предложение Ватикана отправить на север Италии военный отряд. Императору оставалось только радоваться, что Тоскана по отношению к Рудольфу также заняла весьма двусмысленную позицию.

Рудольф медлил с решением и, стоя на коленях перед обломками Святого копья, беспрестанно молил Бога помочь ему и дать какой-нибудь указующий знак в своих действиях. И он получил этот знак, посчитав его за помощь Небес. Очень часто слабая человеческая душа за указующий перст Господа принимает соблазнительные приглашения Искусителя.

Очередное письмо пришло в Новару из Рима. На этот раз от Мароции Теофилакт. Пропитав палимпсест²¹ восточными ароматическими маслами и елеем своих коварных слов, Мароция провоцировала, манила и упрекала:

«Польстившись на приманку, могучему льву ничего не остаётся, как пытаться заполучить и приманку, и охотников. Охотники поманили вас, вы пришли сюда смело и гордо, отвергнув мои никчёмные предупреждения. Охотники наблюдают за вами, но вы не видите

²¹ Палимпсест – пергамент многократного использования, новый текст на таком пергаменте писался после соскабливания старого.

всех охотников. Съешьте приманку, идите в Павию и получите корону, иначе зачем вы сюда явились? Все ваши охотники немедленно обнаружат себя. И помните, что Рим – это не папа, а сенат».

В конце февраля 922 года, когда дороги начали более-менее приходить в порядок, Рудольф покинул Новару и, оставив в стороне Милан, вошёл в Павию, столицу итальянских королей. Взятие Павии обошлось без столкновений, граф дворца Гариард в своей деятельности продолжал политику своего предшественника, графа Сигифреда, который ради сохранности города открывал ворота всем алчущим итальянской короны. В Новаре же остался швабский гарнизон под командованием герцога Бурхарда, чьё присутствие к тому времени уже сильно тяготило короля.

Однако занудный шваб и в Павии не оставил короля в покое. Едва только стало известно о приготовлениях к коронации Рудольфа, бургундский правитель начал почти ежедневно получать письма из Новары, в которых его союзник требовал бракосочетания Рудольфа со своей дочерью, угрожая в противном случае покинуть итальянские земли. Только этого недоставало ещё угодившему как кур в ошип молодому и нерешительному бургундцу, и тот постарался быстрее заверить Бурхарда в неизменности своих чувств и намерений.

17 марта 922 года в знаменитой базилике Святого Петра в Золотом Небе состоялось бракосочетание Рудольфа со швабской принцессой Бертой, а на следующий день там же епископ Иоанн водрузил на головы супругов короны лангобардских правителей. Помимо своего войска, нового короля приветствовали в основном рыцари и духовенство Лангобардии и Ивреи. Сердце Рудольфа колотилось, грозя вырваться за пределы грудной клетки. Он понимал, что решился перейти заветную черту, за которой теперь нет возврата назад, понимал, что неизвестен и чужд подавляющей части Италии, страшился и млея перед великим неизвестным будущим.

Папа Иоанн незамедлительно разразился возмущёнными письмами в павийский епископат и лично новоиспечённому королю. Мароция постаралась перехватить большинство этих писем с помощью своей милиции, а также попросила о перехвате писем Гвидо Тосканского, который и сам был в этом заинтересован. В итоге до Рудольфа с юга Италии дошли только отголоски папского раздражения, однако при получении первого же письма с севера настроение короля испортилось гораздо сильнее. Текст письма Ирменгарды не отличался от предыдущего, обманутая возлюбленная повторила своё «Ego ulciscar», но на сей раз придала своему гневу весьма выразительный характер, обмакнув письмо перед отправкой в чью-то кровь, человеческую или же какого-то принесённого в жертву животного. Рудольф, развернув письмо, тут же с воплем ужаса отбросил его прочь и попросил слуг сжечь пергамент, а сам поспешил очистить руки, прикоснувшись к мощам святого Августина Иппонийского²², находившимся всё в той же базилике Святого Петра в Золотом Небе.

Следующее послание новому королю Италии было сугубо материалистическим и предельно конкретным. В нем император Беренгарий, обвинив Рудольфа в узурпаторстве, попрании прав сюзерена и нарушении заповедей Божьих, вызывал его и его слуг на поле битвы, в котором Господь явит всем свою волю и покарает гордых и преступных.

---

²² Аврелий Августин Иппонийский (354—430) – христианский богослов и философ. Память его христианские церкви отмечают 28 июня.

Эпизод 5. 1677-й год с даты основания Рима, 3-й год правления базилевса Романа Лакапина, 8-й год правления императора Запада Беренгария Фриульского (июль 923 года от Рождества Христова)

Императорский гонец, дочитав письмо, адресованное графу Гуго Миланскому, сыну Майнфреда, замер в почтительном поклоне. Граф поднялся с кресла, поблагодарил посла и поручил канцелярии подготовить ответ, в котором граф, как верный вассал, должен был заверить сюзерена в своей готовности исполнить долг. Диктуя текст письма, граф был, как обычно, сух и сдержан, и никому из присутствующих ни на мгновение не дал понять, насколько взволновало его письмо Беренгария.

Военная кампания Беренгария против Рудольфа длилась уже больше года. Больше года признанный Бургундией и Ивреей Рудольф и Беренгарий, признанный всем остальным миром, обменивались между собой напрасными увещаниями и призывами к совести оппонента, угрозами неизбежного гнева со стороны Верховного Судии и малозначащими манёврами своих войск. В течение всего этого времени обе стороны подспудно искали источники финансирования своих походов и занимались вербовкой своих сторонников среди духовенства и рыцарства. Каждый из миропомазанных монархов пытался со своей стороны заручиться поддержкой Рима, хотя с первых же минут было понятно, что папа целиком и полностью поддерживает императора. Рудольф же настойчиво требовал выполнения своих обещаний от Тосканы и в своих словах к графине Берте даже осмелился воззвать к её родственным чувствам. Своим ответом Берта расставила все точки над «i» в своих отношениях с Рудольфом, дерзко и недвусмысленно дав понять, что интересы собственных детей ей несопоставимо ближе, чем интересы седьмой воды на киселе родственничка. Единственное, что она могла сделать для него, так это дать обещание не помогать Беренгарию, своему давнего врагу и несостоявшемуся мужу.

Впрочем, и здесь слова у тосканцев вскоре разошлись с делами: Тоскана охотно воспользовалась ситуацией, чтобы повязать обе воюющие стороны финансовыми обязательствами перед Луккой, и дала в обременительный долг и Рудольфу, и Беренгарию значительные средства на вооружение своих наёмников.

В течение зимы-весны 923 года Беренгарий медленно, но верно прибрал к своим рукам все города северной Лангобардии. С вызволением в свою пользу Брешии и Бергамо императорский двор восстановил непрерывный контакт между Вероной и Миланом, а в руках Рудольфа из крупных городов оставались только Новара, Пьяченца, ну и, конечно, Павия, в значении своём стоившая на тот момент больше, чем все города, озвученные выше. Этим и руководствовался, объясняя своё бездействие, бургундский король, несмотря на то что его тесть, герцог Бурхард, активно вынашивал планы по захвату Пармы и продвижению к самой Равенне, дабы отсечь возможную помощь Беренгарию со стороны Рима.

Опасения герцога, воина опытного и рассудительного, вскоре оправдались. После Рождества император получил известие от папы, что тому, стараниями своего брата Петра, удалось в своей родной Равенне сформировать внушительный корпус в поддержку императорскому войску. Этот корпус, по планам, к началу июля должен был достичь Пармы. Император решил в этом городе собрать все верные ему силы, чтобы затем одним большим войском выступить в направлении мятежных Пьяченцы и Павии.

Только для Гуго Миланского, находившегося в Брешии, император сделал исключение. Ему, согласно приказу Беренгария, надлежало выступить по более короткой для него кремонской дороге, занять Кремону и затем соединиться с войском Беренгария возле замка Борго.

Именно известие о месте встречи, а вовсе не обязанность выступить в новый поход, заставило вздрогнуть убелённого сединами графа и вызвать в его памяти самые ужасные воспоминания.

Четверть века, целых двадцать пять лет, минуло с тех пор, как он, молодой, задиристый, уверенный в себе, вместе со своим другом детства, юным императором Ламбертом, гоняли по полям возле этого замка, словно зайца, графа Адальберта Богатого и вытаскивали того в одном исподнем из свинарника, в котором граф тщетно надеялся от них укрыться. Ах, если бы его друг не вступился бы столь благородно за пленённого графа, которого Альберих Сполетский решил сделать своим пленником и объявить за него выкуп, если бы, в конце концов, Ламберт послал бы в Павию сопровождать Адальберта кого-нибудь другого, но не его! Ах, если бы тогда он упал с лошади и сломал бы себе ногу, ей-богу, сегодня он даже это посчитал бы удачей! Тогда всё, всё бы могло сложиться по-другому, и каждый день оставшейся жизни Гуго не начинал бы с воспоминания о своём преступлении!

За прошедшие четверть века в его жизни были, конечно, и радостные моменты, рос милый и умный сын, сюзерен не единожды выказывал своё благоволение, но практически все, включая родных, отмечали всегдашнюю угрюмость Гуго и тяжёлый взгляд его глаз, за серой сталью которых пряталось нечто неведомое миру. Угрызения совести преждевременно составили его, совершённое им повлияло на поступки его и сделало графа, как ни странно, рассудительным и спокойным к чужим грехам и слабостям. Родня и слуги, как правило, прекращали всё веселье при появлении своего мрачного господина, однако все они без исключения питали глубокое уважение к нему и всегда могли рассчитывать на его выдержанный совет и конкретную помощь. Право слово, сложно сказать, что было бы с ним и каким бы он стал, если бы всю свою жизнь он прожил подле своего друга-императора, не зная боли падений и яда предательства. Он точно был бы более счастлив, но что бы он сеял вокруг себя? Своим примером он демонстрировал, что порой не так страшно перейти эту границу между добром и злом и заглянуть в тёмную бездну греха, – страшно эту границу и эту бездну не знать вовсе и на протяжении своей жизни так и оставаться, быть может, на несправедной стороне.

Четверть века он под разными предлогами избегал мест, связанных с тягостными воспоминаниями, ни разу за это время его ноги не было на полях Маренго, и всеми кружными путями он избегал окрестностей замка Борго, а потому, услышав приказ императора, почувствовал необъяснимый ужас в своей душе, как будто круг его судьбы начал замыкаться. Он расторопно и со знанием дела собрал свой отряд численностью двести копий, и точно в соответствии со своим планом покинул Брешию, отправившись на юг, в сторону Кремоны. Город приветствовал его отряд, местный епископ радушно раскрыл свои объятия, а один из кремонских нотариусов, у которого недавно родился сын, устроил в честь гостя и в честь своего сына праздничный ужин. Запелёнатого хнычущего младенца даже принесли высокому гостю для благословения, и Гуго, окинув его спокойным, – ну да, скорее всего, равнодушным взглядом, – произнёс несколько дежурных слов. Возможно, он что-нибудь добавил бы ещё и был бы куда более эмоционален, если бы знал, что ему в этот день представили человека, благодаря летописям которого потомки узнают о событиях десятого века, происходивших в Италии. Ребенку, родившемуся в Кремоне, родители дали лангобардское имя Лиутпранд, и в своё время ему суждено будет стать епископом этого города.

Весёлый ужин не смог отвлечь Гуго от его дурных мыслей, а приказ Беренгария подготавливал его войско вперёд. Уже на следующий день Гуго покинул Кремону и взял направление на Фьоренцуолу. Ему пришла в голову мысль получить разрешение императора дожидаться его войск именно там, во Фьоренцуоле, которая находилась на полпути от замка Борго к Пьяченце, а поэтому не было особого смысла воинам Гуго дважды идти по одной и той же дороге, туда и обратно. Довод веский, если не принимать в расчёт, что за всем этим скрывался безотчётный страх старого графа перед воспоминаниями, которые неминуемо начали бы грызть его совесть, как только взору его открылись бы стены Борго.

Сразу после выхода из Кремоны отряд Гуго, уменьшившийся к тому времени за счёт оставленного в городе гарнизона до полутора сотен копий, начал долгую и опасную переправу через По. Ширина реки здесь достигала почти трёхсот метров, и Гуго должен был хвалить Небеса за то, что река давно завершила свой весенний разлив. Гуго достиг противоположного берега одним из первых. Отправив вперёд несколько человек в разведку, ибо за рекой, сразу после небольшой песчаной отмели коварно начинался достаточно густой лес, Гуго начал руководить оставшейся переправой.

В этот момент Провидение, по всей видимости, приняло к сведению горячие мольбы графа Миланского и на свой манер согласилось не допустить Гуго к местам, которые он так страшился посетить. На южном берегу По вместе со своим командиром успело переправиться не более двух десятков его воинов, когда из прибрежного леса раздался резкий свист множества стрел. Двое слуг Гуго упали замертво, а ему самому визгливая стрела впиалась в плечо. Выставив вперёд свой массивный щит, он начал затравленно оглядываться, ища уцелевших в своём войске и призывая тех присоединиться к нему. Пять-шесть воинов с щитами наперевес сгрудились вокруг своего господина, остальные же либо были сражены новой порцией стрел от нападавших, либо кинулись обратно в воды По. Что касается переправы, то там началась паника и неразбериха, некоторые поспешили прийти на помощь гибнущему сеньору, другие, особенно те, кто оставался ещё вблизи левого берега, праздновали труса.

По всей видимости, противник, напавший на них, уже давно поджидал добычу в этом леске и терпеливо наблюдал за ними, пока командир отряда не окажется на их берегу. Со стороны графа было смелым, но безрассудным шагом переправиться на правый берег одним из первых, но он никак не мог предполагать здесь засады. Разведка, посланная Гуго в лес скорее для порядка, нежели из-за действительных опасений графа, естественно, была легко и бесшумно ликвидирована, и Гуго даже не успел встревожиться её отсутствием.

Теперь же Гуго и его оставшаяся дружина, плотно сомкнув щиты, отступали к реке, а свист стрел над их головами продолжался. Осторожно выглядывая из-за щита, Гуго видел, как на песчаную отмель густо высыпали вооружённые пешие люди и с воинственным кличем кинулись по направлению к ним. Свист стрел прекратился, но спустя несколько мгновений в щиты обороняющихся ударили первые мечи.

К своему сеньору успели переправиться ещё около десятка его смелых и самоотверженных слуг, так что схватка продолжалась достаточно долго, прежде чем нападавшие расправились с миланцами. Гуго, стоя по колено в воде, до последнего размахивал мечом, его сознание уже еле справлялось с приступами дурноты и слабости, вызванной от кровотечения из нескольких ран, нанесённых ему. Наконец свой собственный и вновь бесцельный взмах мечом лишил его равновесия, и он упал ничком в ледяные воды По. Сквозь туман, быстро заполняющий его сознание, он услышал крик:

– Остановитесь! Оставьте ему жизнь!

В следующие мгновения его энергично выдернули из воды и вынесли на берег. Кто-то склонился над ним, закрыв раненому солнечный свет. Гуго начал кричать ему в лицо, во всяком случае, ему казалось, что он кричит, но на самом деле губы его еле слышно шептали:

– Священника! Священника! Я умираю! Во имя Христа, священника!

Тень, склонившаяся над ним, заговорила:

– Я здесь. Я слушаю тебя, сын мой!

Каждое слово Гуго давалось с трудом.

– Кто ты?

– Милостью и волею Господа, я Гвидолин, епископ священного города Пьяченцы.

Немыслимым, невероятным усилием воли Гуго открыл глаза и попытался сконцентрировать своё зрение на этой тени.

– Священника! Неужели здесь нет никого иного? Умоляю вас, дайте священника! Грешен я и боюсь суда Господа!

– Помимо меня здесь нет иных служителей Церкви Господа нашего. Вам придётся довериться мне или предстать перед Господом нераскаявшимся!

Гуго застонал.

– Спешите, сын мой. Ваше тело истекает кровью, а дух теряет силу. Не медлите и ничего не бойтесь, священный елей находится при мне, и вы получите виатикум²³.

– Господи! Господи! Как я грешен, Господи, что даже в эти минуты ты посылаешь мне врага моего! Господи, как боюсь я справедливого суда Твоего, ибо нет более тяжкого преступления, чем то, которое я совершил!

– Любовь Господа к рабам своим есть любовь отца к своим детям. Нет такого греха, который не простил бы нам Господь, видя искреннее раскаяние наше! – спокойным тоном отвечал ему епископ, благоразумно и ответственно решивший не заострять своё внимание на слова Гуго о врагах.

– Все эти годы, тысячу раз за день, я каялся в грехах своих, но не находил в своей душе покоя и места, и чувствовал, что моя вина не искуплена. Все эти годы жертва греха моего приходила ко мне ночью после молитв моих и, простирая руки ко мне, укоряла меня в чудовищном, неслыханном злодеянии.

– Ваши слова откровенны и чувственны. Я, презренный слуга Господа и служитель Церкви Его, отчётливо вижу это. Я верю сердечным словам вашим и молюсь за вас, сын мой, чтобы Господь отпустил вам грехи за чистое раскаяние ваше! *Примите же Духа Святого. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся*²⁴.

Зрение наконец, после очередного усилия воли вернулось к умирающему. Он увидел человека с палием епископа на шее и успокоенно вздохнул:

– Слушайте же, ваше преподобие, и найдите в себе силы для молитвы за меня, если сможете. Двадцать пять лет назад в лесах Иудеи во время охоты на кабана я, польстившись на искушение дьявольское, на яд клеветы, влитый мне в уши со стороны слуг его, предательски убил своего друга, с которым вместе рос все предыдущие годы, ел из одного блюда и пользовался одной одеждой. Я убил...

Епископ замер, склонившись над умирающим, так что капюшоном своим скрыл от стоявших вокруг воинов лицо Гуго. Он знал, что сейчас услышит, но его более интересовали подробности.

– Я убил императора Ламберта, и вся моя жизнь была отравлена этим грехом, – еле слышно сказал Гуго и вдруг издал горький протяжный стон. Все вокруг содрогнулось.

– Со словами раскаяния вашу душу покинул нечестивый, мы все отчётливо слышали это, – громко сказал епископ, поднимая глаза на своих слуг. Те хором подтвердили сказанное, почти все испуганно крестились.

– Все эти годы я пытался успокоить свою растревоженную и падшую душу тем, что поступок мой был вызван горем и местью за смерть отца моего. Но я чувствовал, что Господь не принимает оправданий моих, а в снах моих даже мой отец укорял меня и говорил мне, что я слышал змеиные слова наветников, но закрыл душу свою для слов Господа. Никогда, вы слышите, никогда месть и зло не приведут душу вашу к добру и успокоению.

– Кто же, следуя советам дьявола, затмил своими словами разум и душу вашу?

– О смерти моего отца мне поведал монах Хатто, к которому меня привели герцог Альберих и сенатор Теофилакт, – прошептал Гуго. Его преподобие выпрямился, лицо его излучало вид человека, получившего на хранение крайне важную и драгоценную вещь.

---

²³ Последнее причастие.

²⁴ Новый Завет. Евангелие от Иоанна, глава 20, стихи 22—23.

Епископ простёр руки над графом и громко и отчётливо начал молитву. К нему подско-
чил служка и передал ящичек, в котором оказалось освящённое оливковое масло. Епископ
нанёс елей на лоб и ладони умирающего.

– Через это святое помазание по благодатному милосердию Своему да поможет тебе Гос-
подь по благодати Святого Духа. И, избавив тебя от грехов, да спасёт тебя и милостиво облег-
чит твои страдания. Аминь.

– Как хорошо, когда Бог в сердце твоём! – С такими словами и неожиданной улыбкой
на устах, столь несвойственной ему все эти годы, граф Гуго Миланский, предок великого Пико
делла Мирандола²⁵, навсегда покинул этот мир.

---

²⁵ Джованни Пико делла Мирандола (1463—1494) – философ эпохи Возрождения.

Эпизод 6. 1677-й год с даты основания Рима, 3-й год правления базилевса Романа Лакапина, 8-й год правления императора Запада Беренгария Фриульского (16—17 июля 923 года от Рождества Христова)

Шестнадцатого июля 923 года Беренгарий выступил в поход из ворот старой Пармы. Настроение императора было под стать итальянскому небу, почти безоблачным. Рим не подвёл и прислал из Равенны мощный пеший корпус, а всего под началом императора собралось около двух тысяч воинов. Немного омрачало настроение Беренгария отсутствие вестей от Гуго Миланского, слишком уж это было не похоже на всегда рассудительного и пунктуального графа. Впрочем, успокаивал себя Беренгарий, изначально их встреча была запланирована не ранее чем у замка Борго, и посему повода для тревоги не должно быть. Вот только интуиция его почему-то упрямо бубнила, что замок Борго от Пармы отстоит не столь далеко, чтобы граф пожалел гонца и его лошадь и не известил бы своего сюзерена о своём благополучном прибытии.

К замку Борго император подошёл к вечеру того же дня. Монахи, хранители останков святого Домнина, считавшегося хозяином этих стен, радушно приняли своего господина, однако в стенах крепости сомнения Беренгария относительно миланского графа получили неоспоримое подтверждение: граф Гуго не появлялся со своим отрядом в окрестностях Борго и с ним явно что-то случилось. Возможно, как утверждали местные, тому виной стала коварная и норовистая По, помешавшая графскому отряду осуществить переправу возле Кремоны. Направить к нему навстречу своего гонца Беренгарию отсоветовали слуги, поскольку неизвестно где и когда решится форсировать реку Гуго. К тому же существовала другая, более веская причина, заставившая императора забыть про все прочие дела на свете: по словам окрестных жителей, во Флоренцуолу, что отстоит от Борго всего на десять миль, накануне вошло бургундско-германское войско короля Рудольфа.

Итак, многомесячная игра в дипломатию закончилась, молодой король почувствовал в себе силы бросить ему вызов, и Беренгарий теперь ощущал в своих жилах давно забытое кипение крови. Почти двадцать лет прошло с тех пор, как он в последний раз обнажал свой меч, и по иронии судьбы тогда это тоже были бургундцы, правда, из Нижнего королевства. Те воспоминания всегда тешили самолюбие императора, и сейчас Беренгарий вновь почувствовал воодушевление. Он теперь чуть ли не благодарил Рудольфа за его вторжение в Италию, ничто иное не омолодило бы императора сильнее и не налило бы такой мощью его мускулы.

Утром войско Беренгария покинуло Борго, а уже к полудню глазам императора предстал неприятельский лагерь, границы которого были расчерчены штандартами обеих Бургундий, Ивреи, Швабии и Лангобардии. Рёв труб, раздавшийся в лагере Рудольфа, возвестил, что императорское войско было также замечено. Слуги Беренгария принялись возводить шатёр для своего господина, командиры отрядов отдавали приказы своим подчинённым и проверяли снаряжение, а сам император вместе со своим верным графом Мило решили подъехать на лошадях поближе к неприятелю, чтобы хорошенько оценить свои позиции.

Беренгарий отдал должное Рудольфу. В полном соответствии с оговорёнными в письмах рыцарскими условиями, войска встретились на практически абсолютно ровной и хорошо просматриваемой местности, лишь на юго-западе, в трёх милях отсюда чернели леса, пряча под своей тенью подножия холмов. Между войсками же простиралось поле, одно только ровное как стол поле, с полным отсутствием высоких деревьев и каких-либо водных преград.

При беглом осмотре неприятеля настроение у Беренгария ухудшилось. Войско Рудольфа лишь совсем немного уступало в численности императорской армии, и Беренгарию впору было

начать укорять себя в том, что он в своё время благодушно выпустил из рук графа Адальберта Иврейского, барона Гизельберта и епископа Гвидолина. Не прояви он столь высокое христианское человеколюбие, сегодня вражеское войско было бы меньше как минимум на треть.

Звук рога привлёк его внимание. Очевидно, его заметили, именно ему был адресован этот сигнал, и теперь к нему под белым флагом направлялись конные парламентёры, извините, переговорщики, поскольку до рождения слова «парламент» оставалось ещё триста лет. Граф Мило ответил звуком своего рога и так же, прицепив к своему копыю белый холст, помахал импровизированным флагом в воздухе, демонстрируя готовность императора вступить в переговоры.

Спустя несколько минут к императору приблизились пятеро всадников. Один из них, в фиолетовой епископской сутане, проворно, несмотря на свой почтенный сан, соскочил с коня и, оставив слуг в стороне, смиренно поклонился императору. Беренгарий также спешился, отдав свою лошадь графу Мило, и подошёл к епископу.

– Беренгарию, императору римлян и франков, почёт и процветание! – пропел епископ Гвидолин, лучезарно улыбаясь, несмотря на всю серьёзность момента.

– Приветствую вас, ваше преподобие! Немного удивлён вашим словам, ибо, насколько я понимаю, войско, стоящее позади вас, находится здесь как раз потому, что не признаёт меня августом римлян и франков.

– Суета, корысть и гордыня порой овладевают даже самыми достойными христианами, но нет такого спора, который невозможно было бы разрешить мирным путём!

– Ваши слова, ваше преподобие, вселяют в моё сердце радость и дарят надежду стоящим здесь тысячам христиан, что сегодня их чистая кровь не будет пролита.

– Все зависит от решения их владык земных, государь.

– От решения и их намерений. Чего же хочет ваш король Рудольф, осмелившийся украсть у меня корону лангобардов?

– Его высочество вполне устроят земли к югу от По вкупе с землями Милана и Павии. В этом случае его меч сегодня и навеки для вас останется в ножнах.

– То есть фактически мне предлагается безропотно оставить ему земли, которые он к сегодняшнему дню потерял? Мне нравятся молодые люди, у них всегда отменный аппетит!

– Да, и...

– Что ещё?

– Поскольку вам, цезарь, Господь всемилостивейший не дал возможности занять наследника, король Рудольф предлагает вам свою сыновнюю любовь и верность.

– Отчего же он не напросился в мои наследники, прежде чем объявляться здесь?

– Только лишь для того, чтобы вы поняли, насколько смел его меч, насколько верен его щит.

– Это возможно будет проверить сегодня.

– Король Рудольф печалится, что жизнь сотен примерных христиан сегодня окажется под угрозой.

– Всё в руках этого отважного короля. Если бы не его появление здесь, эти сотни христиан в этот благословенный день славили бы Господа, пили вино, растили детей, и ничто не угрожало бы их жизни. Король Рудольф возжелал иного, но мне отраднее слышать, что он готов изменить своим желаниям. Никто не тронет ни единого волоса с головы его и его слуг, если он сей же час развернёт своё войско и навсегда покинет чужие для него земли.

– Король Рудольф был призван на трон и коронован итальянской знатью и клиром с соизволения Господа.

– Коронован кучкой баронов-отщепенцев и священниками, чьи запросы простираются гораздо далее их скромных возможностей и чья верность сродни флюгеру в осеннюю пору, –

повысил тон Беренгарий. – Всех вас, уцелевших после сегодняшнего дня от моего меча, постигнет наказание Рима.

– Карает не папа, карает Господь. В том числе и тем, что отнимает у храброго властелина его разум.

– Вы грозите мне, ваше преподобие?

– Нет, просто трезво оцениваю ваши силы. Кстати, либо моё зрение изменяет мне, либо в вашем войске отсутствует граф Гуго из Милана?

– Да, его нет в моем войске.

– Что же с ним приключилось?

– Не знаю, но, благодарение Господу, вы, судя по вашим словам, также этого не знаете, а значит, граф жив!

– Увы, но вы спешите со своими выводами так же, как и с вашими предыдущими словами о грядущем наказании нашем.

– Что случилось с Гуго, ваше преподобие? – разделяя слова на буквы-молекулы, процедил Беренгарий, мрачно и с полным отсутствием всякого почтения к отцу Церкви глядя в фальшиво-смирненные глаза епископа.

– Он принял смерть воина при переправе через По. Авангард его отряда разделил с ним его участь, прочие остались в Кремоне, дрожа от страха, вызванного силой моего войска.

– Вот как, – Беренгарий снял свой шлем и перекрестился. – Мир праху его! Покой душе его!

– Придётся очень долго ждать покоя души его, цезарь, – сказал епископ. – Граф Гуго умер у меня на руках, и прежде чем он получил от меня *viaticum*, он поведал мне о том, как двадцать пять лет назад, во время охоты на полях Маренго, он убил своего сюзерена и друга, императора Ламберта, отомстив тому за смерть своего отца.

Беренгарий тяжело вздохнул.

– Значит, все эти слухи, которые сопровождали его всю жизнь, на самом деле были правы.

– Да, и сказанное графом определённо роняет тень на вас и даёт Рудольфу дополнительные права.

– Как? Каким образом? Я принял Железную корону²⁶ ещё при жизни Ламберта, а императором стал спустя восемнадцать лет после его кончины при обстоятельствах, совершенно с его смертью не связанных.

– Как знать, как знать, цезарь! Дело в том, что Гуго спровоцировали на это убийство те, кто с тех времён являются вашими друзьями. По крайней мере, один из них точно.

– Кто же это?

– Альберих Сполетский и Теофилакт, сенатор и консул Рима! Альберих после этого захватил власть в Сполето и сослал старую Агельтруду в монастырь. После признания Гуго я теперь готов поверить, что и в смерти брата Ламберта тоже не всё чисто. За Альберихом же весьма чёткой тенью маячит ваша фигура, цезарь! Прямо или косвенно, но все действия Альбериха были на руку именно вам!

– Это ложь!

– И вы очень быстро, подозрительно быстро признали права Альбериха на Сполето, обойдя при этом родного брата Агельтруды.

На это Беренгарию нечем было возразить. Гвидолин довольно фыркнул.

– Известие обо всей этой истории приведёт к тому, что это ваше войско, – епископ вытянул руку в сторону лагеря Беренгария, – уже через неделю поредеет наполовину.

– Вы нарушите тайну исповеди? Впрочем, вы её уже нарушили.

---

²⁶ Железная корона – корона лангобардов, которой затем стали короноваться правители Италии.

– Да какая это была исповедь, государь?! Я принимал слова Гуго на неосвящённой земле, возле реки По, сидя на грязном песке, а вокруг меня толпились ланциарии, сразившие его, и они так же слышали всё то, что он говорил. Почти всё, – по-лишьему ухмыльнувшись, добавил епископ.

– Да, известие не сулит мне в будущем ничего хорошего, но сегодняшний день в самом разгаре, и ничто не помешает мне добыть победу в честном бою, под оком Страшного Судии, и доказать, что я более вашего бургундца достоин носить императорский мир и корону!

– Ваши доказательства могут значительно прибавить в весе, если вы согласитесь выслушать моё, теперь уже только моё предложение.

Беренгарий вскинул свой взор на епископа. Гвидолин улыбался со смесью ехидства и напускной печали.

– Чего же хотите именно вы?

– В моих силах сделать так, чтобы слова Гуго навсегда остались единственно в памяти моей и вашей....

– Чего же потребуете взамен?

– Самую малость, цезарь, самую малость. Шаг, который вам ничего не стоит сделать, как и вашему союзнику, епископу Рима. Уверен, папа не будет противиться этому, если ваши доводы будут подкреплены тем, что вы слышали только что. Восстановите же справедливость, покарайте сына за грехи отца его и освободите епархию священного Милана от недостойного пастыря его!

– Освободить для вас?

– Именно так, государь.

– Разве отвечает сын за отца своего? Разве не сказано в книге Господа: «сын не понесёт вины отца, и отец не понесёт вины сына»²⁷?

– Как приятно слышать слова Священного Писания из ваших медоточивых уст, как славно, что император римлян не понаслышке знает Библию. Но я и не призываю вас карать Фламберта, сына Гуго, пусть живёт с миром и молится за отца своего. Подальше от Милана.

– Мне кажется, гордость и наглость возымели верх в душе вашей! Хотя чему я удивляюсь? Ведь я разговариваю с человеком, успевшим за последние два года трижды переметнуться из одного лагеря в другой! Да что там за два года, вы во время уже сегодняшнего разговора пообещали своё войско и мне, и Рудольфу. Не своей смертью вы умрёте, ваше преподобие!

– Не спешите приходить в ярость, государь. Ярость во все времена плохой советник. К тому же вы не дослушали меня.

Беренгарий кивнул головой, приказывая говорить далее.

– Под рукой Рудольфа здесь почти две тысячи храбрых воинов.

– Я это успел заметить.

– Но арьергард его армии составляет корпус города Пьяченцы. Пьяченца готова будет сей же час оставить поле битвы на ваше торжество и вашу победу! Разумеется, если просьба моя будет услышана.

Беренгарий с изменившимся лицом отошёл от продолжавшего ухмыляться епископа. Он медленно побрёл вдоль поля, чувствуя, что ему предстоит сделать нелёгкий выбор. На мгновение он оглянулся на епископа, который оставался на месте и не следовал за ним.

– Но ведь это будет нарушением правил Церкви, если вы, епископ Пьяченцы, станете епископом Милана!

– Полноте, ваше высочество. За вами папа Иоанн, который в своё время успешно пере-скакивал с болонской кафедры на равеннскую, а затем и вовсе на римскую. Ещё одно маленькое отступление не нарушит устои Церкви и не утяжелит сильно грехи Иоанна!

---

²⁷ Книга Иезекииля 18:20.

Беренгарий покачал головой и побрёл дальше. Епископ остался ждать его решения. Соблазн был чудовищно велик. Предательство Пьяченцы почти наверняка обещало победу его войску – это главное. Обстоятельства убийства императора Ламберта, пусть Беренгарий нисколько в этом замешан не был, сложились таким причудливым образом, будто действиями преступников кто-то и в самом деле управлял, а он, Беренгарий, при этом оказался в итоге главным бенефициаром случившегося и теперь остаток своих дней может провести в бесплодных оправданиях или бессмысленных гонениях на клеветников, а имя его впоследствии получит проклятие безжалостных потомков. Наконец, сын Гуго, архиепископ Милана Фламберт, уже давно не пользовался симпатией императора, будучи не раз уличённым в симонии, что и стало причиной того, что Беренгарий, с трудом согласившийся на его назначение архиепископом, обязал Фламберта заплатить солидный выкуп, который он, кстати, пока почему-то не торопится внести.

Двадцать лет назад, когда Беренгарий очертя голову гонялся за европейскими коронами, он, оказавшись в подобной ситуации, не тратил бы время на размышления и принял бы предложение епископа. Десять лет назад, возможно, тоже согласился бы. Но сейчас, когда богобоязненному императору оставалось сравнительно немного времени до момента своего явления пред Господом, когда его голова уже увенчана вождеденной короной Августа, принесшей ему на самом деле больше горя, нежели радости, – сейчас мудрый пожилой правитель медлил с ответом, ибо сиюминутные цели для него уже давно померкли перед желанием справедливым правлением своим очистить душу от грехов прошлых лет. Достойную ли службу сослужит он Творцу, если заменит одного подлеца в сутане на другого, ещё более подлого, и даст ему понять, что страшится сообщённых ему сведений? Достойно ли он поступит как рыцарь, если, договорившись с соперником своим о честной битве, воспользуется услугами иуды среди соратников его? Ведь если они с Рудольфом сейчас заклинают Господа стать для них сегодня судьей на поле брани, как будет выглядеть он, явившись на этот суд бесчестным? Как поступил бы, царство ему Небесное, благородный Ламберт на его месте, если бы его предатель-слуга проник бы к нему с подобным предложением?

Так рассуждал старый, наивный для нашего времени и нашей оценки, король, быть может, не очень удачливый правитель, но зато храбрый и честный человек. Приняв решение, он, боясь возвращения суетных мыслей, поспешил вернуться к Гвидолину.

– Передайте вашему королю, епископ, что если он оказался настолько смел, что явился в мои земли с оружием в руках, пусть смелость эта не изменит ему сегодня, ибо сразу после ноны²⁸ я буду атаковать его войско.

* * *

Яркое июльское солнце сделало всё от него зависящее, чтобы предотвратить грядущую бойню между дружинами, каждая из которых несла впереди себя символ великой жертвы Господа, пела гимны о святости и благочестии и жарко приглашала Сына Человеческого, пострадавшего за грехи мира, к себе в союзники. Солнечные лучи немилосердно обжигали светом две людские колонны, шедшие навстречу друг другу с целью губить чужие жизни и постараться спасти свои. Никто из бравых воинов обеих армий, спроси их о целях и истоках сегодняшнего сражения, не смог бы внятно объяснить причины начинающегося боя. Их знали, и то не до конца, только их предводители, стоявшие возле своих шатров и оценивающие свои быстро меняющиеся шансы на лавры победителя, в то время как людские массы, привлечённые сюда прихотями своих сеньоров и ради сомнительного прибытка в своих кошельках, начинали отчаянно кромсать друг друга.

²⁸ Нона – официальный девятого часа (три часа дня) согласно Литургии часов.

Швабско-бургундское войско, как и предполагал Беренгарий, предпочло атакующую тактику. Вперёд, оцетинившись копьями, ринулась конница, состоящая из рыцарей Бургундии и Ивреи, за ними дружным быстрым шагом следовала сначала швабская пехота, а затем дружина епископа Пьяченцы. Император же предпочёл классический оборонительный вариант, поставив конницу венгерских наёмников и веронских рыцарей на фланги, а в центре возлагая свои надежды на папских дорифоров.

Удар бургундской конницы был направлен прямо в центр императорского войска, Рудольф, а точнее герцог Бурхард – именно он принимал решения по ходу боя, – намеревался таким образом расцезь армию неприятеля надвое, кратчайшим путём добраться до шатра императора и, опрокинув его, добиться быстрого и решительного успеха. Однако прежде чем бургундцы достигли вражеского войска, их с обеих сторон с диким гвалтом атаквали венгры, осыпая рыцарей своими стрелами, стремительно поворачивая к своему лагерю и возвращаясь вновь с новой стрелой, вытасенной из колчана. Круговерть, устроенная кочевниками, стала откровением для рыцарей Рудольфа, их колонна смешалась, потеряла темп, и сила их удара по императорской пехоте оказалась снижена в разы, отчего их атакующий меч не развалил вражескую армию пополам, а прочно увяз в её туше.

В довершение всех бед с флангов возобновили свои кусачие наскоки венгры, словно свора собак, накинущаяся на медведя. Бургундской коннице пришлось бы совсем плохо, если бы не подоспели швабы. Начался жаркий бой, в котором уже не было места тактическим ухищрениям, адская музыка сражения представляла собой безумную пёструю симфонию человеческих страстей, в которой предсмертные крики, радость убийц, страх и злость ежесекундно звучали ужасными аккордами, а Люцифер являлся здесь и композитором, и дирижёром, и благодарным зрителем, не скупящимся на аплодисменты всякий раз, когда чья-то душа печальным облаком отлетала из поверженного тела.

Беренгарий, видя размазавшуюся по всему батальному полю вражескую конницу, решил пустить в действие свой резерв. Веронские всадники вклинились в бушевавшее людское море, и их организованная атака, к ужасу Рудольфа, повергла в бегство его соотечественников. Дрожа всем телом, король бросился к своему тестю, умоляя того остановить бегущих прочь бургундцев. Отмахнувшись от него, герцог помчался навстречу убежавшим, но не для того, чтобы остановить бургундцев, а чтобы организовать оборону швабской дружине и попытаться спасти положение. Одновременно с этим он приказал двинуться вперёд отряду епископа Гвидолина. Таким образом, обе стороны ввели в бой свои резервы.

Рудольф же, оставшись наедине, если не считать пары юных оруженосцев, вынес из своего шатра ларец со Священным копьем, раскрыл его и, не решаясь более глядеть на поле битвы, опустил перед обломками копья на колени. Король начал неистово читать молитвы, прося реликвию явить миру свою силу, и затыкал уши, лишь бы не вслушиваться в ежеминутные торжествующие крики смерти.

В какой-то момент показалось, что характер боя начал меняться. К стойко сопротивлявшимся швабам пришли на выручку дорифоры епископа, и градус сражения вновь начал подниматься. Однако воины Гвидолина оказались не слишком тверды и после лихой атаки на них страшно визжащих венгров кинулись врассыпную прочь. Победа императорского войска стала очевидной.

Швабы под руководством осыпающего всех и вся проклятиями герцога Бурхарда начали отступать, пытаясь сохранить подобие организованности и отбиваясь от продолжавшихся наскоков врага. В прежнем эпицентре боя осталось порядка трёх десятков бургундских всадников, участь которых представлялась теперь незавидной. Всё внимание победителей обратилось на них, недавний страх перед смертью теперь в их помыслах уступал чувству глумливой радости над поверженным врагом и вновь проснувшимися корыстными устремлениями. В отчаянно спасавших свою жизнь бургундцах они видели теперь исключительно предмет наживы,

и чем дороже было снаряжение рыцаря, прекрасней конь, богаче конское убранство и воинские доспехи, тем больше черни теперь терзало его, пытаясь заявить права на его имущество.

Беренгарий отдал приказ прекратить преследование швабов и остановить бессмысленную резню попавших в окружение бургундцев. Бароны Беренгария начали наводить порядок, тем более что помыслы их мало чем отличались от устремлений их дорифоров, они также стремились теперь пожать в должной мере плоды своей великой победы. Ликующие крики веронцев и равеннцев всё громче раздавались на полях Фьоренцуолы, и нашлось наконец немало людей, которые, прежде чем начать делить трофеи, упали на колени и вознесли благодарные молитвы Богу, пощадившему сегодня их жизни и даровавшему победу над их врагом. К их числу присоединился и сам император, став, пожалуй, самым усердным в пении литаний.

Хор поющих в какой-то момент затих, так что бас императора стал явственно слышен. Беренгарий недовольно огляделся вокруг и заметил, что окружение его, вместо умильного созерцания неба, смотрит куда-то вдаль, причём лица слуг его вновь приобрели напряжённое выражение. Вскоре прорезались и первые крики трусливого страха. Граф Мило подскочил к императору с серым, словно пепел, лицом.

– Государь, государь, нас снова атакуют!

Беренгарий вскочил на коня. Серой лавиной к ним летела колонна всадников, выставив вперёд свои копья. В голове отряда неслись знаменосцы с флагами, на красном поле которых развевался белый крест.

– Павийцы, павийцы! – в ту же секунду раздался крики подле императора, и толпа вокруг него начала быстро редеть, недавние победители не в силах были теперь противостоять новой угрозе. Жизнь их вновь повисла на волоске, и толпа, которой теперь овладел исключительно инстинкт самосохранения, кинулась искать пути к своему спасению, не видя никого и ничего вокруг, забыв о всяком почтении перед своими господами и слыша только раскрывающиеся позади них ворота ада.

Бегущие опрокинули с лошади своего императора, кто-то немисливо нахальный подхватил уздцы, сам взгромоздился на его коня и кинулся прочь. Другие ловили лошадей, отпущенных своими наездниками во время дележа трофеев или же навсегда лишившихся своих хозяев, павших во время битвы. Но подавляющее большинство доверилось исключительно собственным ногам и бежало без оглядки по необъятным просторам поля. В один момент исход боя развернулся на сто восемьдесят градусов.

Виной такой неожиданной концовки действительно оказался рыцарский отряд из Павии, возглавляемый графом Гариардом и бергамским бароном Бонифацием. Сотня их рыцарей со вчерашнего дня стояла в засаде в лесу, в трёх милях от поля боя, ожидая сигнала к своему выступлению. Таковой они получили от герцога Бурхарда, когда преследование его швабов со стороны врага прекратилось и враг начал праздновать преждевременную победу.

Не снижая темпа, павийский отряд врезался в беспорядочно отступающую толпу императорского войска. Сам Беренгарий, упав с лошади и на какое-то время потеряв сознание, неминуемо попал бы в плен, если бы не слепая ярость атакующих. Они вихрем пронеслись над ним, преследуя его слуг, а один из всадников даже случайно задел лежащего императора своим копьём. Спустя несколько мгновений, когда погребальный звон подков павийских лошадей начал стихать, к телу императору устремился чудом уцелевший граф Мило. Схватив в охапку своего сюзерена, он бросил его к себе на лошадь и, сам вскочив в седло, пустил в действие шпоры, благодаря Небеса за предоставленную возможность спастись. Благодарить было за что, на батальном поле к тому моменту вновь появились швабы, подбирая и добывая то, что опрокинула союзная им кавалерия.

– Мы живы, а значит, мы ещё не проиграли, – сам себя подбадривал молодой граф Мило, уносясь со своим беспомощным владыкой прочь с места их совместного позора, ещё полчаса назад коварно выглядевшего как место их триумфа.

А на другом краю поля битвы в своём королевском шатре продолжал, не переставая, молиться Священному копью король Рудольф. По его лицу текли благодарные слёзы, он с умилением целовал ларец, в котором тихо-мирно лежали обломки великого оружия, и беспрестанно повторял:

– Господи, благодарю! Господи, благодарю! Господи, благодарю!

Рядом с ним, громко кряхтя и недовольно морщась, освобождался от своей тяжёлой кольчуги герцог Бурхард, весь покрытый пылью, потом и пятнами чужой крови.

Эпизод 7. 1677-й год с даты основания Рима, 3-й год правления базилевса Романа Лакапина, 8-й год правления императора Запада Беренгария Фриульского (август 923 года от Рождества Христова)

Последствия битвы при Фьоренцуоле, по словам летописцев, рыцарство Юга Европы ощущало на себе на протяжении ещё многих последующих лет. На широких полях Паданской равнины нашли в тот день свой последний приют свыше пятисот воинов короля Рудольфа, в первую очередь швабские наёмники и рыцари Ивреи. Ещё большие потери понесла императорская армия, которая фактически прекратила своё существование. До конца дня бургундские и павийские рыцари преследовали неприятеля, горя жаждой мести, и гнали его до самого замка Борго. Сам замок, приняв поначалу многих бегущих, затем почёл за благо сразу же открыть ворота и сдаться на милость победителя, надеясь предательством сохранить своё имущество в сохранности и получить признательность со стороны победоносного короля. Король и в самом деле прибыл тем же вечером в замок в сопровождении герцога Бурхарда, после чего в окрестностях замка, к ужасу монахов – хранителей останков святого Домнина, до самой ночи вершился отвратительный, скорый и слепой в своей ярости суд. Прежде всего были казнены до последнего человека венгерские наёмники, их участь ни у кого сомнениям не подвергалась. Затем гнев победителей обрушился, как это ни странно, на солдат папского легиона. Особо неистовствовал герцог Бурхард, в своих кровожадных речах призывая Рудольфа устроить Рим, предав смерти всех сынов его. По счастью, прямо противоположного мнения придерживался епископ Гвидолин, который вовремя сообразил, что при таком исходе дела бургундцев неминуемо будет ждать папский интердикт, а ему самому как своих ушей не видать впоследствии не только миланской епархии, но и своего тёплого места в Пьяченце. Король Рудольф колебался, вначале ему, внезапно-удачливому победителю, несколько часов тому назад еле справившемуся со своим животным страхом, была близка позиция Бурхарда. Однако, слава Господу, он, успокоившись и наполнившись великодушием, принял в итоге сторону Гвидолина и, отпустив несчастных без вреда в Рим, снабдил их архонтов своим письмом к папе Иоанну Десятому, в котором витиеватым и пафосным языком объявлял тому о крушении Беренгария Фриульского и заверял, что лангобардская Италия не останется без сильной, твёрдой и, главное, покорной Риму руки.

О Беренгарии тем временем не было ни слуху ни духу. Не утолив свою жажду крови, свирепый герцог Бурхард ежеминутно понукал короля продолжить своё движение вперёд и, не дав опомниться императору, очутиться как можно скорее в Вероне. Спустя три дня король Рудольф был уже в Парме, откуда всего неделю тому назад так горделиво выехал император Беренгарий, полностью уверенный в своей победе. Однако далее продвижение бургундского войска застопорилось. Виной тому была объявлена беспощадная жара, обрушившаяся на Апеннины, а также значительно поредевшее после битвы войско, которому требовалось подкрепление. Однако истинной причиной явились лень и благодушие Рудольфа, возжелавшего наконец почувствовать себя хозяином на здешних землях. Приняв присягу верности от пармских баронов и горожан, он предпочёл вернуться в Павию и отложить свой поход в Верону на месяц, полагая, что за это время Беренгарий не оправится после нанесённого ему нокаутирующего удара.

Тем временем брошенный практически всеми император Беренгарий окольными, мало кому ведомыми путями вернулся в свою Верону, где был встречен тоскливо и презрительно молчавшей толпой жителей. В который уже раз старый император смог убедиться в невысокой цене клятв своих подданных и трезвым взглядом очертить вокруг себя весьма узкий круг

людей, на которых он действительно мог опереться в трудную минуту. Брошенный им клич о сборе нового войска под его знамёна был практически всеми проигнорирован: к первым числам августа ему удалось собрать вокруг себя всего полторы сотни преданных мечей, да и прибывшие к нему рыцари, увидев столь малое число соратников, в скором времени начали изобретательно искать поводы покинуть Верону. Ситуация складывалась так, что впору было предаться отчаянию: не проходило и недели, чтобы он не получал сведения о том, как какой-нибудь очередной город или замок присягал на верность королю Рудольфу.

В первой половине августа к императорскому дворцу в Вероне прибыла небольшая делегация из Милана, при виде которой Беренгарий испытал смешанное чувство радости и тревоги. Милан до сего дня оставался практически единственным крупным городом за границами веронской марки, который хранил преданность своему императору. Беренгария это немало удивляло, так как тамошний епископ Фламберт в последнее время имел основания быть недовольным милостью августа, и для Беренгария стало бы горькой, но ожидаемой вестью открытие Фламбертом городских ворот перед бургундцами. Именно это при встрече гостей он опасался услышать более всего. В сопровождении верного графа Мило, который после битвы при Фьоренцуоле теперь ни на шаг не отходил от него, а также своего канцлера, бенедиктинского монаха Ардинга Брешианского, он приветствовал гостей, опустившихся перед ним на колени и бодро восклицавших:

– Беренгарию, славному императору римлян и франков, жизнь и победа!

Император окинул гостей взглядом. Одним из визитёров был хорошо ему известный граф Гизельберт из Бергамо, не так давно участвовавший в заговоре против него. При виде графа сразу нахмурился и посуровел лицом императорский фаворит Мило. Вторым и, по всей видимости, главным в этой делегации был бургундский граф Вальперт, вассал Гуго Арльского и судья при дворе слепого короля Людовика. Это был седой и перепуханный морщинами и шрамами рыцарь, закалённый боями на холмах Прованса и в лесах Баварии, снискавший себе уважение мудрым судопроизводством и отмечаемый обоими бургундскими владыками за невероятную твёрдость своего слова. Третьей из высшей знати, на которой задержал свой взгляд Беренгарий, оказалась миниатюрная молоденькая девушка с чёрными волосами, выбивавшимися из-под дорожного плаща, и выразительными глазами, любопытно поплёскивавшими на императора. Внешность девушки моментально напомнила старому монарху дочку римского консула, чьи интриги в своё время пусть и увенчали его короной, но доставили его сердцу невыразимые страдания. Беренгарий, слегка нарушив церемониальные правила своего двора, первым делом обратился к ней:

– Кто вы, восхитительное дитя природы и Творца её?

За девушку сразу, словно улитка, спрятавшуюся вглубь раковины своего плаща, ответил граф Вальперт.

– На ваш суд и милость, цезарь, представляю свою единственную дочь Розу, не так давно, с благословения Господа нашего, давшую обет супружеской верности благородному графу Гизельберту, который также находится сейчас перед вашими очами.

«Ах вот чем объясняется столь странный состав посольства из бургундцев и бергамасков, прибывших с вестями из Милана!» – подумал император. Граф Мило хмурился всё сильнее, и красота гостьи совершенно не тронула его молодое сердце, состав гостей нравился ему ещё меньше, чем императору. Однако так уж распорядилась судьба, так калейдоскопически менялась картина в феодальной Италии, что, кроме самого Мило и Ардинга, в окружении императора почти не оставалось людей, хотя бы раз не изменивших ему.

– Какие новости принесли вы в наш дом, благородные мессеры? С какой целью посетили мой скромный приют?

– Прежде чем ответствовать перед вами, цезарь, я просил бы покорного разрешения моей дочери удалиться. Дорога была трудна и тяжела, а моя дочь носит под сердцем ребёнка, и ей необходим отдых.

Роза, получив разрешение, покинула приёмный зал дворца. Также были удалены и слуги Беренгария. Подле императора остались только Мило и Ардинг.

– Наше посольство держит при себе послание короля Италии и Верхней Бургундии Рудольфа, адресованное тебе, цезарь, – начал Вальперт, после чего достал пергаментный свиток и зачитал письмо короля.

В этом послании Рудольф, начав с того, что исход сражения между ними явно свидетельствует о Небесной воле, и чувствуя в себе силу мечом и огнём взять то, что ещё подвластно сейчас Беренгарию, тем не менее предлагал, «оставаясь добрым христианином и не желая пролития крови слуг Христа», признать за ним, Рудольфом, права наследника и закрепить за обеими сторонами сложившийся на данный момент раздел территорий. Император выслушал Вальперта с абсолютным спокойствием и скупающим тоном ответил:

– Благородный мессер Вальперт, признаться, я ожидал от Рудольфа нечто более интересное и разнообразное. Подобные послания я получаю почти каждую седмицу, и мой ответ неизменен. Нет, отвечают мои уста тому, кого вы называете королём Италии, но который на деле таковым не является.

– Это письмо, цезарь, было доставлено нам в Милан королевскими герольдами, и мы, присутствующие здесь, вовсе не являемся послами короля Рудольфа, – ответил несколько разочарованно Вальперт. Прибыв сюда, он действительно считал, что везёт Беренгарию сногшибательную для того новость.

– Чьими же послами вы, благородные мессеры, являетесь?

– Его высокопреподобия, смиренного и благочестивого Фламберта, епископа великого города Милана, который в нашем лице припадает к вашим стопам и заверяет вас в своей преданности!

– И я бесконечно рад слышать это, – воскликнул Беренгарий. Император при этих словах почувствовал в душе громадное облегчение. – Оставим же церемонии для надменных врагов и безучастных соседей наших. Прошу вас, мессеры, немедленно поделиться со мной вашими новостями.

Император жестом пригласил гостей за стол. Вызванные слуги моментально обставили стол угощениями.

– Увы, цезарь, но позвольте мне начать с плохих новостей, – начал Вальперт. – Брешиа и Бергамо приняли в своих стенах бургундские и германские войска Рудольфа.

Беренгарий обречённо кивнул головой, а затем воззрился на Гизельберта.

– Благородный граф, – обратился он к нему, – вот так Бергамо дорожит своей честью и словом?

– Не буду искать оправданий, – ответил Гизельберт, – я и мои люди верны вам по сию пору, но враги оказались сильнее и больше числом. Увы, семя Иуды прорастает в слабых сердцах стремительнее огня в хлебных амбарах.

Беренгарий при этих словах одарил бергамаска весьма выразительным взглядом. В любой другой момент он бы напомнил графу о том, как иудино семя быстро давало всходы и в его душе. Однако сейчас надлежало дорожить даже такими союзниками.

За императора ответил граф Мило.

– Зато вы, граф, в это время одержали победу над бургундцами на другом поприще, сделавшись зятем благородного графа Вальперта.

Краска бросилась в лицо Гизельберту, граф Вальперт также нехорошо переменялся в лице, но император вовремя прогнал готовившуюся разразиться грозу.

– Друзья мои, придержите ваши острые языки и забудьте старые счёты между собой. У наших ворот сейчас стоит слишком сильный враг, чтобы мы, на радость ему, ослабляли друг друга распрями.

И, обратившись к Вальперту, император попросил того продолжить.

– Славный замок Мантуя окружён войсками Рудольфа. Город остаётся верным императору, но сообщение с ним прервано. – В голосе Вальперта, помимо воли, промелькнула тень злорадства. Напрасно и не вовремя съехидничал Мило.

Очередной сильный удар по позициям Беренгария. Император сокрушённо покачал головой.

– Властелин Венеции, славный дож Орсо²⁹, по слухам, принял Рудольфа в качестве правителя земель италийских.

– Как? Ему-то что за выгода? – воскликнул Беренгарий. Вот этого он точно не ожидал, кольцо врагов вокруг него, таким образом, почти сомкнулось.

– Мне об этом неизвестно, государь. Могу сказать только, что великий город Милан, поклявшись вам в преданности, моими устами эту клятву подтверждает и готов стоять до последнего воина.

Беренгарий снова кивнул головой, на этот раз демонстрируя грустную благодарность. С печальным видом он повернулся к своим советникам:

– Что можем мы противопоставить сему?

– Его высокопреподобие архиепископ Фламберт надеется, что верность Милана не останется незамеченной венценосным помазанником Рима, – продолжал Вальперт, особо выделяя голосом слова о верности и о незамеченности. Беренгарий вернул свой взгляд к нему.

– Да, нам отрадно слышать это, в то время как большинство трусливо отвернулось от нас.

– Его преподобие готов продолжать защищать город, – настойчиво, как неразумному младенцу, повторил Вальперт. На сей раз акцент был сделан на слове «продолжать».

– Очевидно, его преподобие намерен поставить вашему высочеству какие-то условия для сохранения своей верности, – раньше Беренгария сообразил граф Мило.

Беренгарий встрепенулся.

– Это в самом деле так? – возвысив голос, спросил он Вальперта. Под усами графа Гизельберта промелькнула усмешка.

– Для защиты города епископу требуются немалые средства на вооружение и на пропитание воинов и простых жителей, терпящих все горести осады. А также на сдерживание наиболее ретивых врагов его. Между тем епископ стеснён в своих средствах, ибо вы, цезарь, наложили на него определённые обязательства.

– И? – спросил Беренгарий.

– И ради сохранения преданности тебе, цезарь, верный епископ Фламберт просит простить ему этот долг, – ответил за Вальперта Мило.

– Да, государь, – подтвердил Вальперт, гордо подняв голову в ожидании высочайшего шторма.

Шторма не последовало. Ответом было долгое молчание императора, погрузившегося в невесёлые размышления.

– Пока Милан верен вам, ваше высочество, король Рудольф, атакуя вас, не может быть спокоен за свой тыл, – прервал тишину отец Ардинг. Присутствующие согласно кивнули головами.

– Власть короля Рудольфа не признаётся маркизами Тосканы и Сполето, – заметил Вальперт.

---

²⁹ Орсо II Партечипацио (? —932) – 18-й дож Венеции (911—931).

– Король Прованса Людовик и его главный советник граф Гуго Арльский не приветствуют успехи короля Рудольфа. Маркиз Ивреи Адальберт, под влиянием своей жены Ирменгарды, прекратил помощь королю Рудольфу, – граф Вальперт, очевидно, перешёл на позитивную волну, возможно испугавшись, что загнанный в угол император решит пожертвовать Миланом ради сохранения сил вокруг своей главной и последней цитадели и провалит, таким образом, посольскую миссию графа.

– Вы ждёте от меня скорого ответа, граф? – спросил, наконец очнувшись, Беренгарий.

– Нет, великий цезарь. Ни я, ни его преподобие Фламберт не торопят вас с ответом.

И, выдержав паузу, добавил:

– Тем более что вашему высочеству в этом году не стоит ожидать прихода короля Рудольфа на веронские земли.

Беренгарий вскинул голову.

– Откуда такая уверенность, граф?

– Потому что король Рудольф в настоящее время направляется в земли франков, и он оставил свой двор в Италии на попечение графов Гариарда и Бонифация, обеспечивших успех его оружию при Фьоренцуоле. В Цюрих за пополнением своих сил отбыл и герцог Бурхард.

Услышанное ошеломило Беренгария и его советников.

– Что заставило короля уйти?

– Весть о гибели в битве при Суассоне Роберта³⁰, короля западных франков. До вас, верно, уже доходили слухи, что прошлым летом Роберт принял корону из рук местной знати после страшного оскорбления, которое нанёс ему простоватый король Карл. На одном из пиров монарх посадил с ним наравне своего канцлера, низкородного и подлого Агано. Местные дуксы и графы с тех пор не хотят видеть своим сюзереном Карла, королевский трон после смерти Роберта свободен, и Рудольф, по всей видимости, к бургундской и итальянским коронам возжелал присоединить ещё и франкскую.

– У короля Рудольфа хороший аппетит, – граф Гизельберт с улыбкой прокомментировал слова своего тестя.

– Королю Рудольфу определённо придаёт смелости Священное копье, которое ему так опрометчиво подарил граф Сансон, – продолжал говорить Вальперт.

– Возможно, – согласился император. Ему стало известно, что во время битвы при Фьоренцуоле Рудольф горячо молился этой реликвии, святая сила которой с лёгкостью возобладала над земной мощью его двухтысячного войска. Император потом долго жалел, что не провёл в таких же горячих молитвах тот день, а суетно метался по полю и отталкивал от себя милость Небес, сражаясь как простой воин и наивно пытаясь силой своего грешного меча добыть себе победу. Потеряв своё войско, Беренгарий считал, что, ко всему прочему, он в тот день потерпел поражение от бургундского короля ещё и на поле благочестия, и трудно сказать, какой именно проигрыш сейчас более всего терзал его душу.

Он пообещал не тянуть с ответом, а пока предложил гостям воспользоваться своим приветливым домом. Гости удалились, но Беренгарий не спешил отпускать от себя своих верных советников.

– Хвала Творцу, он не покинул нас и даровал нам время для того, чтобы собрать новые силы против Рудольфа, – начал он, и его советники с удовлетворением отметили, что лицо их монарха вновь излучает энергию и уверенность в собственных силах.

– Да, но за эти полгода, отпущенные нам, изменится не много. Города и замки Лангобардии заняты бургундцами и нашими предателями, которые из страха перед наказанием будут держаться за свои города едва ли не сильнее бургундцев.

---

³⁰ Роберт I (866—923) – король Западно-Франкского королевства (922—923).

– Прощение, да ещё и подкреплённое дарами, может склонить их сердца на нашу сторону, – заметил Ардинг.

– Да, вот только где взять средства на эти дары? Где взять средства на новое наше войско, да и на кого нам рассчитывать? Можно только пожалеть, что в своё время мы оттолкнули от себя Альбериха Сполетского, – воскликнул Мило.

Беренгарий смутился. В своё время он, ради дружбы с понтификом, сознательно оставил без внимания мольбы Альбериха, обиженного папой Иоанном при дележе трофеев в Гари-льяно. Тогда он также принимал непростое, но, как ему казалось, самое верное решение, выбирая из двух зол меньшее.

– Давайте оставим привычку искать себе помощь на юге, – ответил Беренгарий. – Все итальянские бароны слишком ненадёжны, слишком коротко их слово, чтобы мы могли доверяться им. Подарки ими забываются мгновенно, зато обиды свои они помнят вечно. Вот и сегодняшние гости тому пример. Давно ли граф Гизельберт замышлял против нас?

– А потом бегал перед нами в чём мать родила, – добавил Мило, и все трое дружно рассмеялись, слегка подняв себе настроение.

– Или этот бургундец Вальперт, позавчера служивший Гуго Арльскому, вчера Рудольфу, а сегодня уже являющийся к нам послом епископа Фламберта, – поддержал тему Ардинг.

– И сам этот не к ночи упомянутый Фламберт далеко не образец преданности, да и разве он может таковым быть, будучи рождённым от чресел человека, за которым тянется шлейф самой наигнуснейшей измены, – язвительно заметил Мило. Беренгарий вновь помрачнел, вспомнив слова епископа Гвидолина.

– Не будем распускать пустые слухи, мой верный Мило. Но в целом все ваши доводы, друзья мои, абсолютно верны. Вы сами сейчас до конца убедили меня в том, что я давно подозревал, но с чем никак не желал в душе своей соглашаться.

– С кем же вы намерены тогда вступать в союз? – поинтересовался Мило.

– Есть! Есть силы, уже не раз помогавшие нам и выполнявшие все наши договорённости до последней запятой. Они заставят всю эту подлую свору дрожать от ужаса, представ перед ними всадниками Апокалипсиса!

– Ваше высочество! Неужели вы снова собираетесь просить помощи язычников? – в ужасе воскликнули дуэтом Ардинг и Мило.

– Помилуй, Господи! Единожды открыв ящик Пандоры³¹, вы снова и снова заглядываете туда, забывая, что просите помощи безбожных венгров против пусть и заблудших, но слуг Христовых!

– Вот именно! Ответьте, святой отец, – обратился Беренгарий к Ардингу, и лицо императора было красным от гнева, словно он уже повелевал своими страшными всадниками, – кто из двоих более согрешил перед Господом? Тот, кто отродясь не слышал слова Его, будучи родом из племён, никогда не слыжавших о Нём, и проживая в местах, где никогда не ступала нога слуг Церкви Его, но зато твёрдо держащий своё собственное слово, однажды слетевшее с уст? Или же тот, кто с рождения воспитывался и родителями, и священниками истинам Его писания, Его любви, Его заповедям, вкушал плоть и кровь Его, но все эти священные дары при жизни своей пограл, забыл, обменял на соблазны и искушения? Ответьте, кто ближе из них Господу?

– В ваших словах, несомненно, заключена драгоценная мудрость, государь. Я сожалею только о бедах, чинимых этими язычниками во время своего присутствия на христианских землях и не связанных с военным противостоянием сопернику вашему. Обуздать венгерские орды невозможно, последствия их вторжения непредсказуемы.

---

³¹ Пандора – в древнегреческой мифологии первая женщина на земле. После того как она открыла сосуд (ящик), подаренный ей Зевсом, по всему миру разлетелись беды и несчастья, а на дне сосуда осталась только надежда.

– Мы совершили немало совместных действий с венгерским дьюлой Бурсаком, и венгры всегда отменно повиновались договорённостям между нами. Моё слово было крепко, и этот дьюла твёрдо управлял своими людьми.

– Для этого также потребуются немалые средства, цезарь, – вздохнув, ответил Ардинг.

– Вы правы, вы тысячу раз правы, и потому я оставляю просьбу епископа Фламберта без удовлетворения. Мало того, я потребую от него уплаты долга как можно скорее. Тогда и поглядим, насколько велика его преданность мне.

– Вы подаёте знак Иуде, отказывая тому в поцелуе своём, – важно заметил Мило, на дух не переносивший своего сводного родственника.

– Христос поцеловал Иуду, но это не помешало тому предать учителя своего и открыть душу свою Искусителю. Того, в ком сидит Враг рода человеческого, не задобрить ни поцелуями, ни славой, ни деньгами. Пусть Фламберт пройдёт это испытание с честью, и я воздам ему сторицей, когда расправлюсь с врагами своими.

Эпизод 8. 1677-й год с даты основания Рима, 4-й год правления базилевса Романа Лакапина, 8-й год правления императора Запада Беренгария Фриульского (март 924 года от Рождества Христова)

Шум города, вначале приглушённый и тихий, а теперь уже истерически-нервный, долетел до ушей епископа Пьяченцы и пробудил его ото сна. Гвидолин вскочил со своего грубого жёсткого ложа, и первой мыслью, ворвавшейся в его сознание, было: «Вот оно, начинается!» Волна страха прошла в его душе и неприятно качнула сердце. Уже много дней он ожидал подобной тревоги и перед сном всякий раз благодарил Господа за то, что он даровал ему и его городу ещё один спокойный день. Но, видно, на сей раз горькая чаша перешла уже в его руки. Епископ спешно начал натягивать свои одежды, ежесекундно прислушиваясь к нарастающему гулу. Сомнений уже не было: шум по своему характеру и децибелам уже давно превысил тот уровень, который издают рыночные торговцы, поймавшие карманника. И это явно не пожар, при пожаре не орут так истошно и повсеместно, если, конечно, не загорелся весь город сразу. Епископ, справившись наконец со своим туалетом, выскочил на лестницу и помчался, вопреки общему потоку, не вниз и к крепостным стенам, а вверх на смотровую площадку башни, охраняемую его личными стражниками. Пока он добрался до неё, церкви Пьяченцы зашлись колокольным звоном, развеивая последние надежды жителей на заурядность происходящего.

Поднявшись к смотровой площадке, Гвидолин выбрал выход, ведущий к обзору северных стен города. Именно оттуда он прежде всего ожидал увидеть опасность. С тех пор как император Беренгарий, словно лисиц в курятник, спустил в Паданскую равнину полчища безжалостных венгров, прошло едва ли больше месяца, но уже все соседние с Пьяченцей земли на левом берегу реки По напитались кровью своих жителей. Горожане и сам епископ в последние дни уже несколько раз видели подымавшиеся к небу грозные столбы дыма, повествующие о печальной участи, постигшей очередное соседнее селение. Пару раз на левом берегу появлялись и конные разъезды варваров, они кричали что-то нечленораздельное, но предельно грозное обитателям Пьяченцы, которые после их воплей тут же падали на колени, прося о заступничестве святого Антонина – покровителя их родного города.

Но на этот раз на левом берегу По всё было спокойно, и епископ, едва успев обрадоваться этой новости, испытал приступ нового, ещё более жестокого страха. До последнего времени была слабая надежда на то, что венгры не рискнут переправиться через разлившуюся По, но если тревогой сейчас охвачены южные крепостные стены, стало быть, эта надежда рухнула, и горе и кровь теперь потоком хлынут в Тоскану, Сполето и папский Пентаполис. Епископ поспешил на южную смотровую площадку.

Там уже находился молодой папский посол Лев, священник кардинальской церкви Святой Сусанны, со своим ещё более юным слугой. При виде Гвидолина слуга тотчас же отступил в тень и скрылся в темноте крепостной лестницы. Гвидолин был слишком встревожен, чтобы обратить на это внимание.

– Доброго дня, ваше преподобие! Ликуйте, Господь услышал ваши молитвы!

– Доброго дня, отец Лев! Что вы хотите этим сказать?

Вместо ответа Лев вытянул вперёд руку. По пармской дороге к городу приближалась колонна вооружённых людей. На первый взгляд в отряде было не менее тысячи человек. В середине отряда слуги несли роскошные носилки, очевидно хозяина этого войска. У рыцарей, степенно ехавших впереди, развевались на ветру пять-шесть знамён, но Гвидолин, подслеповатый, как все знакомые с грамотой служители церкви, никак не мог различить их цвета, не говоря уже о гербе.

– Это не венгры, – полувопросительно-полуутвердительно произнёс он.

– Конечно, это не венгры, ваше преподобие. Разве мог бы я так издеваться над вами?

Епископ до боли напряг зрение.

– Красные... Белые. Знамена красно-белые, полосы горизонтальные! И, кажется, коронованный лев! Это Тоскана?

– Именно так, ваше преподобие.

– Не знаю, зачем и с какой целью они появились здесь, их никто не звал. Но, благодарение Господу, их присутствие – гарантия нашей безопасности хотя бы на ближайшие дни.

Гул набата между тем нарастал. Город готовился к обороне, внизу на большой городской площади, которая со временем получит название Пьяцца Кавалли, суетились люди, милиция занимала свои места возле крепостных бойниц.

– Ваше преподобие, вам надлежит поспешить к воротам, дабы услышать, с чем и к кому пожаловали тосканские гости.

Гвидолин послушался совета и заспешил вниз. Страх в его душе уступил место суетливым размышлениям. С момента появления в Италии короля Рудольфа он и его город неизменно держали руку бургундцев. В связи с этим тосканцев можно было вроде бы и не опасаться, они также находились в ещё более жестком и долгом противостоянии с Беренгарием. Однако король Рудольф уже на девять с лишним месяцев застрял в земле франков, и в его отсутствие у равных ему по силе и возможностям князей вполне могло разыграть желание поднять мятеж. Так что совсем уже расслабляться не стоило.

Прошло немало времени, прежде чем Гвидолин добрался наконец до пармских ворот. За это время он уже успел услышать неоднократный призыв гостевого горна, очевидно вызывавшего на переговоры или просившего горожан пустить их к себе. Гвидолина встретил глава городской милиции. Все прочие преклонили колено при появлении хозяина Пьяченцы.

– Вашему преподобию милость Господа, доброго здоровья и времени на заботы о нас, – учтиво ответил глава милиции, здоровый и жизнерадостный саксонец, оставшийся в Пьяченце ещё со времен похода императора Арнульфа и сделавший в городе неплохую карьеру.

– Благодарю вас, сын мой. Приветствую вас, жители Пьяченцы! – Гвидолин повернулся к согбенным спинам горожан. – Прошу вас не отвлекаться на мою персону, а продолжать усердно исполнять дело своё. Итак, мой честный комит³², что за тосканский гость пожаловал к нам и с какой целью?

– Графиня Берта Тосканская шлёт приветствие вашему преподобию и желает войти в пределы Пьяченцы.

– Берта Тосканская? Сама графиня Берта, – забормотал епископ, – вот так неожиданность. Цель свою она вам, конечно, не сказала?

– Не сказала, ваше преподобие.

– Я бы очень удивился, если бы было наоборот. Что же, – сказал епископ, хлопнув в ладоши, – шлите графине Берте приветствие от Пьяченцы, мы будем счастливы лицезреть её милость, город разрешит войти ей и её сопровождению в количестве тридцати человек. Всем прочим предлагаем воспользоваться гостеприимством наших предместий.

Спустя полчаса Берта Тосканская торжественно вплыла на своих носилках в пределы Пьяченцы. Город приветствовал её поклонами своих жителей, пением монахов и пронзительными стонами труб.

---

³² Термин широкого применения – от командира отряда до графа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.